

И.В. Пыхалов

ДОЛГ РУССКОГО ИСТОРИКА

Жизненный путь
и труды В.С. Брачева

Игорь Васильевич Пыхалов
Долг русского историка. Жизненный
путь и труды В. С. Брачева

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4914051

Долг русского историка. Жизненный путь и труды В.С. Брачева: Астерион; Санкт-Петербург;
2012

ISBN 978-5-94856-946-8

Аннотация

Книга посвящена научной биографии одного из современных русских историков – профессора Санкт-Петербургского университета Виктора Степановича Брачева. Данное издание не является научной монографией в классическом смысле этого слова, скорее попыткой в первом приближении осмыслить путь человека, тесно связанный с историей страны.

В так называемых масонских штудиях В.С., львиную долю которых составляет многолетнее изучение им архивных данных ФСБ РФ, много внимание уделено истории интеллигентских окултно-мистических сообществ XX в. Но вот парадокс, именно эта сторона научной деятельности В.С. серьёзного внимания его оппонентов как раз и не привлекла и остаётся вследствие своей якобы «неактуальности» недооценённой.

Книга адресована широкому кругу читателей, интересующихся развитием исторической науки в России.

Содержание

Предисловие	4
Глава 1. Родители. Детство и юность. Псковский пединститут. Начало трудовой деятельности	8
Глава 2. 1971–1987 гг.: самые трудные и самые счастливые. Аспирантура ЛОИИ. Музей истории ЛГУ. Кандидатская диссертация	24
Глава 3. В ЛГПИ им. А.И. Герцена (1987–1998 гг.). Монография об академике С.Ф. Платонове	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

И. В. Пыхалов

Долг русского историка. Жизненный путь и труды В.С. Брачева

Предисловие

Эта книга посвящена научной биографии одного из замечательнейших современных русских историков, профессора Санкт-Петербургского университета Виктора Степановича Брачева¹.

Конечно, талантливых историков у нас немало. Но вот историков ярких, с чётко выраженной гражданской позицией государственно-патриотического направления, среди них можно едва ли не пересчитать по пальцам одной руки. Так уж сложилось, что тон в нашей постперестроечной исторической науке уверенно задают историки либерального толка, представители либеральной историографии.

Постулировать и проводить свои государственно-патриотические взгляды в исторических исследованиях, отстаивать свою позицию, «плыть против течения» в этих условиях отваживаются немногие. *В.С.* принадлежит именно к их числу. Этим он, в первую очередь, нам и интересен. Но не только, ибо помимо этого *В.С.* ещё и крупный историк, научные труды которого пользуются заслуженным успехом у читателей, внесли и вносят немало нового в понимание ряда узловых проблем нашей истории и историографии.

Непростым оказался путь Виктора Степановича – выходца из глухой белорусской деревни в большую науку, хотя поначалу всё складывалось как нельзя лучше.

Вчерашний выпускник Псковского пединститута (1969 г.) без проблем поступает в заочную аспирантуру ЛГПИ им. А.И. Герцена. Его учителем становится проф. Р.Г. Скрынников, при поддержке которого *В.С.* вскоре оказывается не где-нибудь, а в самом центре тогдашней исторической науки в Ленинграде – Ленинградском отделении института истории Академии наук СССР. Научным руководителем его согласился стать сам патриарх ленинградских историков профессор С.Н. Валк. При недюжинных способностях *В.С.* и при-сущей ему природной старательности научная карьера его, казалось бы, была обеспечена.

И вдруг – неожиданный сбой. После окончания срока аспирантуры и смерти (5 февраля 1975 г.) проф. С.Н. Валка *В.С.* не только не оставляют в Ленинградском отделении института истории, но ещё и чинят непреодолимые для него, по тем временам, препятствия по защите уже готовой диссертации. Что-то, видимо, насторожило в нём тогдашних руководителей этого института.

В результате вчерашний аспирант-целевик элитного академического учреждения в одночасье оказывается в буквальном смысле этого слова на улице: без денег, жилья, прописки, работы и без всяких надежд на учёную карьеру. Вчерашние так называемые друзья и коллеги отворачиваются от него. Отказался от дальнейшей поддержки *В.С.* и проф. Р. Г. Скрынников. Чтобы не умереть с голоду и иметь возможность продолжать работу в ленинградских архивах и библиотеках, вспоминает *В.С.*, приходилось не брезговать никакой работой: выдавать учебники студентам в библиотеке Военно-механического института, водить экскурсии и даже подметать тротуары Невского проспекта (был и такой эпизод в его биографии).

¹ Следует отметить существенную роль в написании этой книги самого *В.С.*, щедро поделившегося с автором воспоминаниями о своей жизни и любезно согласившегося прокомментировать некоторые её эпизоды.

Будь на месте *В.С.* другой человек, почти наверняка он поставил бы жирный крест на своей диссертации и занялся бы чем-нибудь другим, более в житейском смысле, полезным. Но не таков характер *В.С.*: более 10 лет продолжал он неравную борьбу с мэтрами исторической науки в Ленинграде за своё право заниматься наукой и... победил.

Успешная защита в 1985 г. в возрасте 38 лет кандидатской диссертации позволила ему занять место ассистента в одном из ленинградских вузов (ЛГПИ им А.И. Герцена) и вплотную приступить к подготовке докторской диссертации о выдающемся русском историке академике С.Ф. Платонове.

Защита её (1996 г.) сразу же выдвинула *В.С.* в число ведущих историков России – убедительным свидетельством чего стало предложение ему в 1998 г. места профессора кафедры русской истории Санкт-Петербургского университета. Статьи и рецензии *В.С.* охотно публикуют ведущие исторические журналы страны, крупнейшие издательства Москвы и Петербурга предлагают ему своё сотрудничество и он, можно сказать, целиком уходит в науку.

25 опубликованных книг за последние 15 лет (первая монография *В.С.* вышла в свет в 1995 г.) – таков итог научной деятельности *В.С.* на данное время. Даже если учесть, что большая часть из них – это переиздания, хотя и с дополнениями и изменениями, уже опубликованных им ранее текстов, а, собственно, самих монографий изданных им за этих годы, всего только 8: «Русский историк Сергей Фёдорович Платонов», часть 1–2 (1995), «Петербургская археографическая комиссия (1834–1929 гг.)» (1997 г.), «Мастера политического сыска дореволюционной России» (1998 г.), «Наша университетская школа русских историков» и её судьба (2001 г.), «Прошлое и настоящее русского масонства» (1731–2006 гг.), (2006 г.), «Тайные общества в СССР» (2006 г.), «Наш современник – проф. И.Я. Фроянов» (2010 г.), «А.Е. Пресняков и петербургская историческая школа» (2011 г.) – нельзя не признать, что и это – много. Таланту и творческому подъёму *В.С.* можно только позавидовать.

Поразительна и широта научных интересов учёного. Наряду с историографией (первое место здесь принадлежит получившей высокую оценку у специалистов (Н.М. Рогожин², А.Н. Шаханов³, Ю.Л. Дьяков⁴) ставшей уже классической его монографии «Русский историк С.Ф. Платонов» (СПб., 2005 г.), – это и история археографии в дореволюционной России, политический сыск, петербургская историческая школа, репрессии против историков конца 1920–1930 гг., история «чёрной сотни», студенческое движение, духовные искания русской интеллигенции XX века.

Особой популярностью среди трудов *В.С.* пользуются у читателей его книги по истории русского масонства и разного рода оккультно-мистических сообществ, хотя с однозначным отнесением их некоторыми исследователями темы к разряду «антимасонской литературы», при высокой в целом оценке научного достоинства («новое слово»)⁵, никак согласиться нельзя. Ведь критическое отношение к предмету исследования, будь то масоны, монархисты, анархисты, либералы или ещё кто, – норма научного исследования и путать его (критическое отношение) с мнимой гиперболизацией негативной роли масонского фактора в истории России начала XX в. в угоду неким выгодам политического или идеологического свойства, в чём иногда упрекают *В.С.* его либеральные оппоненты⁶, неправильно, хотя

² Рогожин Н.М. С.Ф. Платонов (1860–1933 гг.) // Историография истории России до 1917 г. Под ред. М.Ю. Лачаевой. Том 2. М., 2004. С. 258.

³ Шаханов А.Н. Русская историческая наука второй половины XIX – начала XX вв. Московский и Петербургский университеты. М., 2003. С. 272, 284.

⁴ Дьяков Ю.Л. Историческая наука и власть. Советский период. М., 2008. С. 96, 151.

⁵ Кондаков Ю.Е. Розенкрейцеры, мартинисты и «внутренние христиане» в России конца XVIII – первой четверти XIX в. СПб., 2011. С. 15.

⁶ Виттенберг Б.М. Между мистикой и политикой: российское масонство в начале XX века (обзор новых книг о русском масонстве). // Новое литературное обозрение. Теория и история литературы. Критика и библиография. М., 2004, № 70. С.

понять их неприятие вроде бы можно, так как именно в масонах и кадетях начала XX в. они и видят своих духовных предтеч. В.С. же, насколько можно судить по его трудам, своими духовными предшественниками дореволюционных масонов, политических или ещё каких, не считал и не считает. Да и к нынешней масонствующей российской интеллигентской братии, подвизающейся на ниве исторической науки, относится прохладно. Но что из того?

Свои книги В.С. пишет без оглядки на то, понравится это кому-то или нет, руководствуясь исключительно соображениями науки. «Всегда старался, если можно так сказать, говорить в связи с этим сам В.С., «петь своим голосом», идти своей дорогой в науке. Конечно, я могу ошибаться, брать не ту ноту, даже фальшивить, но это всё же мой голос, моя песня, моё собственное видение проблемы. Именно этим, а не повторением чужих мнений или иначе говоря, чужих «задов» я хочу быть интересен другим, этим, собственно, я и живу на этом свете».

Впрочем, разработка истории политического масонства начала XX в. далеко не самая важная тема в так называемых масонских штудиях В.С., львиную долю которых составляет многолетнее изучение им, причём на основе архивных данных ФСБ РФ, истории интеллигентских окултно-мистических сообществ XX в. Но вот парадокс, именно эта сторона научной деятельности В.С. серьёзного внимания его оппонентов как раз и не привлекла и остаётся вследствие своей якобы «неактуальности» (в их глазах, разумеется) недооценённой.

Талант, помноженный на трудолюбие – вот слагаемые научного успеха В.С. Да ещё упрямство – черта характера, проявлявшаяся ещё в детские годы и, надо прямо сказать, немало повредившая В.С. «по жизни», но в данном случае, применительно к его научным разысканиям, явно пошедшая ему на пользу.

Как историк В.С. редко повторяет чужое. Стремление свернуть с изъезженной другими дороги в сторону и нащупать свою собственную тропинку, свой собственный путь, или подход к предмету исследования, составить своё собственное представление о теме, едва ли не основная черта его творческого почерка. Неудивительно поэтому, что все книги В.С. вызывали и вызывают огромный интерес у читателей. Да, с В.С. можно соглашаться или не соглашаться, с ним можно спорить, но пройти мимо его трудов едва ли возможно.

Конечно же, будущие историографы точнее определяют феномен В.С. и его место в борьбе направлений в русской историографии первых десятилетий постсоветского периода. Наша же версия состоит в том, что обстоятельства и личной жизни В.С. 1970–1980 гг. и его жизни в науке сложились так, что своим, в кругу властителей умов представителей тогдашней советской исторической науки в Ленинграде, он так и не стал. И в учёные выбился скорее вопреки системе, благодаря своей упёртости и во многом случайному стечению обстоятельств, так и не пройдя соответствующей в таких случаях идеологической обработки либерального толка.

Этим, видимо, только и можно объяснить красной нитью проходящую практически через все труды В.С. и идущую из глубины его души патриотическую одушевлённость и глубокое национальное чувство – вещь, прямо надо сказать, крайне редкая среди петербургских историков.

Собственно, этим только и можно объяснить появление в 2005 г. замечательной книги В.С. «Опасная профессия – историк», одним из героев которой, наряду с академиками С.Ф. Платоновым и Е.В. Тарле, оказался и тогдашний декан исторического факультета Санкт-Петербургского университета профессор И.Я. Фроянов, ставший в 2000–2001 гг. объектом развязанной против него в либеральных средствах массовой информации самой разнузданной травли и клеветы, сопоставимой разве что только с погромными идеологическими кампаниями против историков конца 1920–1930 гг.

«Война, – отмечал в связи с этим, разъясняя сокровенную суть происходивших вокруг него событий, сам И.Я. Фроянов, – идёт не против меня лично, а против русской истории. И совершенно понятно, чем им всем не угодила наша классическая историческая наука. Она им прямо как кость в горле, потому что историческая наука формирует национальное самосознание. Известно, что знание истории делает человека гражданином. А русское национальное самосознание в эпоху глобализации для клиентов Сороса – только лишнее бремя»⁷.

В справедливости именно такой интерпретации «дела» И.Я. Фроянова убеждает и вакханалия, разыгравшаяся несколькими годами позже в либерально-демократических средствах массовой информации вокруг учебника по истории России профессоров Московского университета А.И. Вдовина и А.С. Барсенкова⁸ – история настолько дикая, что позволила некоторым исследователям даже заговорить о новом «деле историков»⁹ (о «старом» относящемся ещё к советским временам 1929–1931 гг., напомним, впервые написал в 1997 г. В.С. Брачев¹⁰).

Характерно, что, как и в случае с И.Я. Фрояновым, и на этот раз радители общечеловеческих ценностей требовали от властей принятия жёстких мер в отношении инакомыслящих учёных, требовали репрессии, иначе говоря, «крови». Так что книгой своей (в 2006 г. краткое изложение её основного содержания под названием «Травля русских историков» было опубликовано издательством «Алгоритм» в Москве¹¹) В.С. попал, как говорится, в самую «точку».

Книга эта едва не стоила В.С. потери места в университете, но поступить иначе, промолчать, не одёрнуть зарвавшихся клеветников и провокаторов, В.С., в силу своих нравственных убеждений, видимо, просто не мог.

Конечно же, следует понимать, что предлагаемая вниманию читателя книга, приуроченная к исполняющемуся 26 мая 2012 г. 65-летию Виктора Степановича, это никакая не монография в классическом смысле этого слова. При жизни героя повествования, а также его друзей и недругов, это едва ли возможно. Слишком многое приходится не договаривать, о многом умалчивать. Правильнее, поэтому, было бы воспринимать её скорее как сводку первичного материала для будущих монографических исследований по истории нашей исторической науки.

Последние годы всё чаще и чаще в речах В.С., особенно после смерти дочери (2011 г.), проскальзывает мысль о надвигающейся старости и необходимости остановиться, оглядеться и подвести определённые итоги пройденного пути в науке. Хочется надеяться, что данная работа при всех её несовершенствах, можно сказать, неизбежных при сложившихся обстоятельствах, окажется весьма полезным опытом в этом направлении и будет благоклонно принята читателем.

⁷ Фроянов И.Я. Это счастье служить России // Советская Россия. 2001, 4 мая. С. 3.

⁸ Барсенков А.С., Вдовин А.И. История России 1938–2002. М., 2003.

⁹ Новое «дело историков». Русский взгляд на историю. Сб. статей. Составитель Е.А. Городнова. М.: «Форум», 2010.

¹⁰ Брачев В.С. «Дело историков» 1929–1931 гг. СПб., 1997. Есть и второе издание. (СПб., 1998).

¹¹ Брачев В.С. Травля русских историков. М., 2006.

Глава 1. Родители. Детство и юность. Псковский пединститут. Начало трудовой деятельности

Родился Виктор Степанович 26 мая 1947 г. в деревне Матеши Ахромовского сельсовета Браславского района Полоцкой области тогдашней БССР в семье бывшего партизана – уроженца Симбирской губернии Брачева Степана Николаевича и крестьянки этой же деревни Шаркевич Стефании Андреевны.

Сначала об отце В.С. Степан Николаевич Брачев появился на свет в селе Озёрки Языковской волости Курмышского уезда Симбирской губернии¹² (кстати, «брача» по словарю В.И. Даля означает жениховство или сватовство) 11 августа 1910 г. Крещён в местной Христорождественской церкви села. Его отцом был малоземельный крестьянин Николай Григорьевич Брачев. Мать – Агриппина Тимофеевна Жукова. Кроме села Озёрки представители фамилии Брачевых встречаются в конце XIX – начале XX вв. в селе Нарышкине Сердобского уезда Нижегородской губернии Бековской волости (Брачев Семён Иванович 1889 г. р.), в деревне Никольская слобода Свияжского уезда Косяковской волости Казанской губернии (Брачев Григорий Иванович 1865 г.р.) и в деревне Русские Азели Свияжского уезда Казанской губернии (Брачев Гордей Иванович).

«Дедушку, – пишет в своих воспоминаниях¹³ Степан Николаевич, – я не помню, но бабушку помню хорошо. Звали её Анной, по прозвищу Анюша, очень была сердитой, злой. Отец мой был у неё старшим сыном. Всего их было пятеро братьев – Николай, Яков, Иван, Фёдор и Тимофей. Мать наша умерла не знаю в каком году, я был ещё маленький. Семья наша была: мы с отцом и три моих старших сестры: Екатерина, Наталья и Ульяна.

Отец тогда был лесником в Чуваших. Земли было у нас мало: если разделить на пятеро братьев, то там и десятины не придётся на брата. Перед самой революцией семья вернулась в Озёрки. Здесь у нас было хозяйство: лошадь, корова и две овечки. В революцию 1917 г. отцу дали винтовку и патроны к ней, а то буржуи так своего бы не отдали.

Были к нам в село присланы солдаты в серых шинелях, тоже с винтовками, около нас было 2 помещика – Рогозин и Землянин, которых разграбили бедняки-крестьяне. Землю их разделили между собой, а хлеб сдали государству.

Так вот, в 1920 г. мы, т. е. вся наша семья заболели тифом. Перед этим у нас пала лошадь. Сестра Ульяна померла от тифа, затем отец, а мы – я и две сестры, Катя и Наташа, как-то оклемались и вот живём до сих пор. 14.7.1972 г.»

Этим заканчиваются краткие записки Степана Николаевича, кстати, написанные им по просьбе В.С. На большее его, как говорится, не хватило, через год 20 декабря 1973 г. он умер от рака.

О других деталях истории рода Брачевых мы узнаём уже от самого Виктора Степановича, так как отец много рассказывал ему о себе и своей жизни. После смерти жены, дед Виктора Степановича, Николай Григорьевич, привёл в дом мачеху, которая, собственно, и вела всё домашнее хозяйство, однако, когда в 1920 г. умер и он, мачеха ушла из их дома. Сёстры Катя и Наташа пошли в прислуги, десятилетнего же Степана из милости взяли к себе на воспитание брата его отца, у которых по очереди он и жил до 17–18 лет. В школу Степан Николаевич пошёл только в 1921 г. в возрасте 10 лет. Это был школа трёхлетка в селе Озёрки. Первым учителем его был Серафим Фёдорович Крылов, сын попа деревенской церкви. Но проучился здесь Степан Николаевич только всего одну зиму, надо было помогать

¹² Ныне село Озёрки Пильненского района Горьковской области.

¹³ Личный архив В.С. Брачева.

по хозяйству дядьям, у которых он жил и у которых, по его словам, делал всю чёрную работу. Единственным светлым воспоминанием были поездки в ночное пасти лошадей.

Серьёзные перемены в его жизни произошли тогда, когда старшая из сестёр Катя вышла замуж и, пожалев брата, взяла его в свою семью, которая в поисках лучшей жизни переехала в 1928 г. на Урал на хутор «Хорошая речка» Старобухаровского сельсовета Бисертского района Свердловского округа. Здесь Степан экстерном продолжил обучение в трудовой школе первой ступени, вступил в комсомол и даже был избран делегатом на областной комсомольский съезд, куда и явился в лаптях и военной гимнастёрке. Встречали их девушки в красных платочках.

19 мая 1929 г. Степану Николаевичу заведующей Кантугановской школой первой ступени Свердловского округа Т. Смирновой было выдано свидетельство о том, что он «действительно обучался в названной школе поступив в неё с домашней подготовкой и успешно прошёл курс 3 и 4 группы». В марте 1931 г. Степан Николаевич оказался в школе фабрично-заводского обучения (ФЗУ) при Златоустовском металлургическом заводе им И.В. Сталина, которую и окончил 13 апреля 1933 г., когда ему была присвоена квалификация формовщика 4 разряда. Однако по специальности работал не долго и в том же году он вернулся на родину в село Озёрки (колхоз «Агитатор» Озёрского сельсовета Пильненского р-на) и женился. Жена – Аграфена Тихоновна, от брака с которой он имел двух сыновей – Виктора (1934–2004) и Михаила (1937 г.) и в ноябре этого же 1933 г. был призван в ряды Красной Армии. Зачислили его в Нижегородскую бронетанковую школу, где он и прослужил по октябрь 1935 г.

Проработав некоторое время после демобилизации участковым инспектором Алгашинского районного отдела милиции управления НКВД по Чувашской АССР в рабочем посёлке Шумерля, Степан Николаевич принимает решение возвратиться в родную деревню, закончив предварительно в июне 1939 г. школу механиков «Батрак», получив специальность комбайнёра.

В июле 1941 г. в связи с началом войны был призван по мобилизации Пильненским РВК в ряды Красной Армии. Принимал участие в боях под Ленинградом и попал в плен в сентябре 1941 г., после чего оказался в немецком концлагере под Каунасом.

Условия жизни там были, согласно его воспоминаниям, крайне тяжёлыми, свирепствовала дизентерия, люди мёрли как мухи. Работали, главным образом, на разгрузке вагонов на станции, никаких норм не было, работали до изнеможения. Местное литовское население, стоит отметить, относилось к военнопленным сочувственно. Зная, где они работают, люди оставляли им хлеб на земле, бросали его им и во время движения колонны на улице. Однажды, рассказывал С.Н., во время работы, когда контроль охраны был ослаблен, заглянули мы с товарищем во двор соседней школы, нас сразу же окружили литовские школьники, мы попросили хлеба и дети отдали нам свои школьные завтраки и вообще, выражали своё сочувствие.

Тем не менее, силы С.Н. были уже на исходе. От неминуемой смерти его спас случай. Дело в том, что нуждаясь накануне весенних полевых работ, в рабочей силе литовские зажиточные крестьяне обратились к немецким властям с просьбой передать им часть военнопленных для использования их на сельскохозяйственных работах. Те согласились. Можно себе представить ажиотаж в лагере, когда там узнали, что можно записаться на эти сельхозработы. Проблема была в другом – желающих записаться было много, а требовалось несколько десятков человек. Образовалась давка, крики, ругань; не в силах добиться должного порядка, немецкие солдаты расшвыряли и стали избивать людей.

По жизни Степан Николаевич был маленьким (рост всего 168 см) и щуплого телосложения. Неудивительно, что, выстроившись в очереди на запись, он оказался последним. Шансов попасть в заветный список не было никаких, и тогда у С.Н. возникла счастливая

мысль. Зная, как немцы любят порядок, решил поднять руку – единственный в этой, можно сказать, обезумевшей очереди.

Расчёт его оказался верным, руководивший записью немецкий офицер сразу же заметил дисциплинированного военнопленного и сделал ему знак рукой: «*kom hier*» – («иди сюда») – и Степан Николаевич оказался в заветном списке. А дальше было то, что живо напомнило наше сегодняшнее представление о невольничьем рынке. Военнопленные были построены в ряд, а литовские крестьяне ходили вокруг них и выбирали себе наиболее подходящих.

Степана Николаевича выбрала какая-то женщина и забрала к себе на хутор. Но пробыл он у неё не долго, и вскоре оказался на хуторе некоего Бронюса, у которого колот дрова, носил воду, убирал навоз в хлеву, и вообще, выполнял всякую чёрную работу. Относился, впрочем, Бронюс к нему хорошо.

Проблема была в другом. Лето 1942 г. шло к концу и другого исхода, как возвращение после окончания осенне-полевых работ в лагерь, для Степана Николаевича не предвиделось. Выход в сложившейся ситуации был один: бежать как можно скорее на восток. Заранее всё обдумав и запасшись буханкой хлеба и литовской ученической картой, Степан Николаевич вместе с другим военнопленным, своим товарищем, дождавшись когда стемнело, тронулись в путь. Двигались они, главным образом, ночью лесами и болотами, стараясь не заходить в населённые пункты и не удаляться слишком далеко от дороги, которая была для них естественным ориентиром. Так через несколько дней они оказались в лесах Западной Белоруссии.

В отличие от Литвы, в Белоруссии опасаться того, что местное население выдаст беглецов немцам оснований было уже куда меньше. Тем не менее кто-то донёс о «советском бойце», бежавшем из лагеря и Степан Николаевич был арестован. Посадили его в тюрьму города Браслав. Находилась она в кирпичном здании, где в настоящее время располагается отдел милиции Браславского РУВД.

Сначала Степан сидел в камере вместе с тремя литовцами – бывшими полицейскими, устроившими дебош и пьяную драку, которых, впрочем, вскоре выпустили. Затем подселили нескольких евреев. Через несколько дней их расстреляли и, в конце концов, он оказался в камере совсем один. Сомнений у него уже не было. Такая же участь ждёт и его.

В это страшное время в порыве отчаяния Степан Николаевич обратился к Богу, в которого, впрочем, до этого времени не верил и никогда не молился. Но теперь, попав в критическую ситуацию, он горько пожалел об этом. «Господи, – взмолился он, – услышь меня, спаси меня и я не только уверю в тебя и твою силу, но и буду усердно молиться и склоняться к этому других. Я буду всем рассказывать о тебе и твоём могуществе. Прости мне мои преступления». И Господь услышал его.

Дело в том, что в тюрьме существовала должность истопника, которую исполняли заключённые. Когда же из всех их остался один Степан Николаевич, начальник тюрьмы некто Неведомский поручил исполнять её ему. Это, собственно, и спасло Степана Николаевича.

Поскольку расстреливали заключённых рано утром, и приходили за ними эсэсовцы часов в пять, он в это время никогда не спал, ожидая той роковой минуты, когда придут именно за ним. И дождался, поскольку в камере, как уже отмечалось, больше никого не было, то когда немцы пришли, стало ясно, что пришли именно за ним. Воспользовавшись тем, что эсэсовцы курили и переговаривались между собой, Степан Николаевич, который в это время растапливал печку, незаметно вышел в соседнюю комнату, быстро снял с себя ботинки и раздетый и разутый, в одних только носках неслышно, стараясь не привлекать к себе внимания, проскользнул по коридору и выскочил на улицу.

Так как здание тюрьмы располагалось на самом краю Браславского озера Дривяты, за которым начинался густой лес, путь Степана Николаевича лежал через озеро именно туда. Надо было бежать как можно быстрее, но бежать Степан Николаевич не мог: страх сковывал его движения. «Крикни кто-нибудь: “стой”: я бы сразу же упал», – рассказывал он впоследствии сыну. К счастью для него, погони не было и спотыкаясь и падая на слегка занесённом снегом льду только что замёрзшего озера, он благополучно добрался до леса и уже на первом встреченном на своём пути хуторе, попросил обувь. Ему дали старые калоши и немного хлеба. Привязав калоши верёвкой к ногам Степан Николаевич двинулся дальше. Заночевал он в бане, которую впрочем не побоялся даже истопить. Утром двинулся дальше. Так начались странствия Степана Николаевича по хуторам и деревням Браславщины, приведшие его в конце концов в партизанский отряд.

Как видно из удостоверения «Партизана Белоруссии» за номером 241621 выданного Степану Николаевичу 21 марта 1973 г., он «действительно участвовал в партизанском движении в Белоруссии в период Великой Отечественной войны с 16 апреля 1943 г. по июль 1944 г. в качестве рядового партизана партизанского отряда им. Жданова бригады “За Родину”».

В июле 1944 г. после освобождения Западной Белоруссии Советской Армией, Степан Николаевич был призван в её ряды (199 гвардейский стрелковый полк, телефонист) и принимал участие в боевых действиях в Восточной Пруссии. После окончания в марте

1945 г. курсов станковых пулемётчиков (176 запасной полк) Степан Николаевич, к этому времени в должности младшего сержанта и командира отделения станковых пулемётов 213 стрелкового полка, готовился к штурму Кёнигсберга. Но к счастью, город был взят без штурма. За этот короткий период Степана Николаевича трижды ранили, два лёгких ранения были получены им 2 и 24 февраля 1944 г. и одно в обе ноги и левую руку уже 30 ноября этого же года. За участие в боях с немцами младший сержант С.Н. Брачев был награждён орденом Красной Звезды и медалью «За победу над Германией». 30 октября 1945 г. он был демобилизован.

Однако к себе домой в Горьковскую область возвращаться из-за неудачного брака с Аграфеной Тихоновной, о чём уже шла речь, он не спешил. Вместо этого Степан Николаевич принимает 1 апреля

1946 г. предложение занять должность уполномоченного Министерства заготовок Белорусской ССР по Браславскому району, чтобы, как он впоследствии рассказывал, накопить денег и вернуться в Озёрки при полном, как говорится, параде.

Судьбе, однако, было угодно, чтобы события пошли совсем по другому сценарию и в родное село к жене и детям Степан Николаевич так и не вернулся. Виновником случившегося стало его знакомство с крестьянкой деревни Матеша (хутор Рудавец) Шаркевич Стефанией Андреевной – будущей матерью Виктора Степановича. Случилось это летом 1946 г.

Фамилия Шаркевич достаточно распространена как в Белоруссии, так и в России. Однако конкретно в Матешах (сама деревня возникла в середине XVIII века как поселение бежавших в Польшу судя по говору («пашоццы» и пр.) псковских крестьян-старообрядцев.

Наиболее раннее свидетельство о матешских Шаркевичах относится к 1901 г. Это запись в книге предбрачных записей Браславского костёла за этот год, хранящейся ныне в Отделе рукописей библиотеки Вильнюсского университета (Ф. 197–8, л. 120): «Андрей, сын крестьян Перебродской волости Ивана и Иоанны из Петкевичей Шаркевичей (родился в деревне Матеша Иказненской парафии), 24 года. Фортоната, дочь дворян Стефана и Анны из Панкевичей Стоммов, 21 год».

Из записи этой видно, что дед Виктора Степановича по матери, Шаркевич Андрей Иванович родился в 1877 г. Устанавливается и родовое, так сказать, гнездо наших Шаркевичей – Перебродская волость Дисненского уезда Виленской губернии под Браславом. Согласно наведённым справкам в 1895 г. в деревне Рудово Перебродской волости Дисненского уезда

Виленской губернии проживал некий Адольф Степанович Шаркевич 1870 г.р., но состоял ли он в родстве с нашим Шаркевичем Андреем Ивановичем, неясно.

Согласно семейным преданиям Шаркевичей, у Андрея был ещё брат Игнатий, умерший в возрасте 25 лет от туберкулёза, потомства после себя он не оставил.

Не слишком далеко уходят наши сведения и о происхождении бабушки Виктора Степановича по матери – Стомма Фортунате Стефановны. Из уже упоминавшейся нами предбрачной записи видно, что родилась она в 1880 г. и была дочерью дворянина Стефана Стоммы и его жены Анны Панкевич. Однако каково происхождение этого Стоммы выяснить не удалось.

В.С., который одно время плотно занимался своей родословной и даже опубликовал на эту тему статью¹⁴ удалось установить три ветви рода Стоммов (первоначально Мержинские): Матеушевы, Гипполитовы или Николаевы, и наконец, Игнатьевы-Стоммы. Две первых из них обосновались в Дрисвятской волости Новоалександровского уезда (имения Томулино, Бобруши, деревня Вишнёво и Зодегальве), третья, так называемые Игнатьевы-Стоммы проживали в Вилкомирском уезде, ныне Укмерге (Литва) Ковенской губернии. Наиболее видным представителем этого рода, можно считать видимо, генерал-майора Тита Людвиговича (Степановича) Стомму (вышел в отставку 4 мая 1890 г.) в Петербурге.

Однако «привязать» нашего Стефана Стомму ни к одному из трёх линий этого рода *В.С.* не сумел. Сам он объясняет случившееся тем, что был введён в заблуждение записью в метрике своей матери о том, что она дочь Стоммы Фортунаты Игнатьевны, и следовательно, искал среди своих предков Игнатия Стомму, а не Стефана. Скорее всего, прадед *В.С.* имел двойное имя Игнатий-Стефан, как это принято у лиц католического вероисповедания.

Согласно рассказам матери *В.С.*, её мать Фортуната была дочерью Стефана Стоммы от его первого брака, после смерти матери отец снова женился. В 1911 г. от этого второго брака у него родился сын Игнатий Стомма. В 1920-е годы, когда его отец умер, он жил в семье своей сводной сестры. Умер Игнатий Стомма в 1960 г. в деревне Густаты Браславского района Витебской области. Его внук Юрий Леонидович Стомма в настоящее время живёт в деревне Дрисвяты, недалеко от города Браслав. Ныне он и его сын Юрий-младший являются единственными дальними родственниками *В.С.* по линии славного шляхетского польского рода Мержинских-Стоммов.

Но вернёмся к Шаркевичам. Свою бабушку Иоанну Петкевич, мать *В.С.* не помнила, так как она рано умерла. Дед Иван (Ян) женился вторично.

Жили Шаркевичи в Матешах недалеко от Матешской горы (самая высокая точка на западе Белоруссии) на том месте, где построил свой двор в конце 1950-х годов Иван Матвеев. В 1907 г. у четы Шаркевичей родился первенец – дочь Фортуната, в 1914 г. – сын Иван и в 1917 г. – Андрей. Земли у них было немного, всего 12 десятин.

Революция 1917 г. и польско-советская война 1920 г. внесли серьёзные изменения в жизнь Матеш, так как территория Западной Белоруссии отошла по Рижскому договору 1921 г. Польской республике. В это же время 1 мая 1922 г. родился последний ребёнок в семье Шаркевичей – дочь Стефания. В 1929 г. в Западной Белоруссии поляки провели реформу, согласно которой желающие могли выйти из деревни и образовать самостоятельное хозяйство или хутор. Шаркевичи воспользовались этим правом и переселились на самый край деревни, образовав хутор Рудавец, примыкающий к болоту и небольшому лесному озеру под этим же названием. Точно так же поступил и целый ряд других жителей деревни. Непосредственными соседями Шаркевичей были Богушевичи и Бобровские, причём Богушевичи являлись родственниками Шаркевичей (Андрей Иванович и глава семейства Богушевичей были двоюродными братьями, так как их отцы, в своё время женились на родных сёстрах).

¹⁴ Брачев В.С. Стоммы: история рода // Клио. Журнал для ученых. СПб. 1999, № 1(7), с. 274–280.

Если в деревне Андрей Иванович (или Андрусь, как его обычно называли) имел в своём распоряжении 12 гектар земли, то на новом месте, на хуторе с учётом неудобий, болота и оврагов у него оказалось уже целых 15 гектар. Это позволило ему завести здесь большое хозяйство. Согласно воспоминаниям матери В.С. Стефании Андреевны, одних только гусей он продавал на 200 злотых. В хозяйстве было до 30 голов рогатого скота, из них только дойных коров целых 7 штук, 3 лошади (2 рабочих и одна выездная), овец было до 10 штук, а свиней до 20, в том числе, что запомнилось девочке, большая чёрно-бурая свиноматка. Но зато и работать приходилось много, в том числе и детям.

Впрочем, нового дома после переезда на хутор Андрей Иванович строить не стал и перевёз сюда свою старую хату, которая представляла из себя кухню с земляным полом и одну большую комнату с русской печью, в которой стояли деревянные кровати и нары. Стенных часов в доме не было. Первые ручные часы отец, согласно воспоминаниям Стефании Андреевны, подарил ей, когда она стала уже невеститься. Настоящим украшением кухни был большой медный самовар.

Как уже отмечалось, сам Андрей Иванович был малограмотным. Малограмотными были и его дети. Старшая дочь его Фортуната в школу не ходила ни одного дня. Недолго учились и сыновья Андрея Ивановича – Иван (Ясь) и Андрей.

Что же касается самой младшей дочери Стефании, то она училась всего одну зиму в польской школе в деревне Гальеши. Во второй класс её туда Андрей Иванович не пустил, так как надо было помогать по хозяйству: пасти гусей, кормить свиней и пр.

Конечно же, картофеля, хлеба, мяса и молока в доме было с избытком, но не хлебом единым жив человек. А вот с этим-то и были проблемы. Андрей Иванович был скуповат и копил деньги на строительство нового дома и обширных хозяйственных построек, так что о сладостях, не говоря уже о фабричных игрушках, его детям приходилось только мечтать.

Белые булки, конфеты, печенье – только по праздникам. Да и чай с сахаром, по словам Стефании Андреевны, пили далеко не каждый день. Исключение было сделано только для Фортунаты Стефановны, которая жаловалась на боли в желудке и есть чёрный хлеб и сало не могла. Однако умерла она в середине 1930-х гг., как это часто бывает совсем от другой болезни, от заражения крови.

А началось всё с того, что от постоянного ношения грубых суконных чулок, на ноге у неё образовалась небольшая мозоль (или волосник по-народному), а затем небольшая ранка. Для лечения заболевания были использованы все народные средства, но ничего не помогло. Нога распухла и покраснела, пришлось в конце-концов обратиться к врачу и тот предложил ампутировать ногу. Однако Фортуната Стефановна отказалась и возвратилась домой. Кто-то посоветовал ей распарить ногу в бане и растереть керосином. Так и поступили.

И действительно опухоль сразу же исчезла. Обрадованная этим, Фортуната Стефановна даже заявила: «ну дети, буду жить!». Однако радость её оказалась преждевременной и уже к утру у неё резко поднялась температура, началось общее заражение крови и она умерла. Похоронили её на Матешском католическом кладбище под берёзой.

Так Андрей Иванович в одночасье оказался вдовцом. Сыновья к этому времени уже выросли, и, надо прямо сказать, доставляли они ему мало радости. Старший Иван (Ян, Яська) был очень азартен, незаметно для себя превратился в заядлого картёжника и большую часть времени проводил в деревне у некоего Еремея, где играл в карты с деревенскими парнями. Зная его слабость, они договаривались между собой и обыгрывали его вчистую, вплоть до последних штанов.

Младший же Андрей, напротив, был серьёзен и с деревенскими парнями особенно не дружился. Но зато у него был другой небольшой недостаток – он был задирист, любил подраться и выпить.

Нападение в сентябре 1939 г. Германии на Польшу и вступление советских войск в Западную Белоруссию ничего хорошего семье Шаркевичей не принесло. Старший сын Андрея Ивановича – Яська, служил в это время в лёгкой кавалерии под Вильно. Простояв здесь несколько недель в ожидании команды из Варшавы, но так и не дождавшись её, кавалеристы разбрелись по домам. Польское государство перестало существовать. Возвратился домой в Матеша и Яська. Создалось впечатление, вспоминала позже Стефания Андреевна, что Польшу продали.

Именно в это время новые советские власти отобрали у Шаркевичей одну корову и заставили сдавать государству зерно и картошку. Ходили слухи, что и то и другое, Советы якобы отправляли в Германию. Собирали, по словам Стефании Андреевны, даже овчины, видимо, на полушубки.

Впрочем, Шаркевичам ещё повезло и они легко отделались, так как их соседи Богушевичи и Бобровские лишились, можно сказать, всего.

Сначала прошёл слух, что сын Богушевича сорвал флаг с крыльца дома в Матешах, и его арестовали, а за ним арестовали и его родителей. Арестованы были и Бобровские, а также некий Мартынка-Старовер. Все они были высланы в 1940 г. в Сибирь сроком на 8 лет и в родную деревню из них уже никто не вернулся. Всё добро их растащили. Что касается Андруса, то по словам матери В.С., он взял к себе только собаку Богушевичей.

С этого времени и с последующей немецкой оккупацией Белоруссии семья и хозяйство Шаркевичей стали катастрофически разваливаться. Во-первых, в 1942 г. их дом был начисто разграблен партизанами (официально это называлось в то время реквизицией). По свидетельству матери В.С., кроме скота забрали и всё ценное, что было в доме, в том числе одеяла, простыни и подушки. Они же (партизаны) расстреляли в это время и старшего сына Андрея Ивановича – Яську, о котором у нас уже шла речь.

Дело в том, что, вернувшись из польской армии в конце 1939 г. в Матеша, он не торопился начинать семейную жизнь и усердно посещал деревенские «танцы». Одно из таких посещений (в партизанской деревне Бардиничи) закончилось для него трагически. Вступив здесь по неосторожности в конфликт с местными парнями, связанными с партизанами, он был избит, уведён в лес и расстрелян.

Нашли его только через несколько недель в лесу, где он лежал скорчившись в неглубокой яме, слегка засыпанной землёй и хворостом. Завернув труп в простынь, его отец и сёстры доставили его на телеге в Матеша и похоронили на деревенском кладбище рядом с матерью.

Большую тревогу у Андрея Ивановича вызывало в это время отсутствие каких-либо известий от младшего сына Андрея. Ещё до войны он успел порадовать отца и женился на крестьянке из деревни Германовщина по имени Ванда. Поселились молодые в Матешах на хуторе Рудавец. Андрей Иванович выделил им 5 гектаров земли. Было начато строительство дома. Начавшаяся война и мобилизация Андрея в польскую армию разрушили эти планы. Старший брат Андрея Иван, как мы уже знаем, тоже был мобилизован, но в том же 1939 г. сумел вернуться домой. Андрею же этого сделать не удалось. И о судьбе его долго ничего не было известно¹⁵. Не дождавшись возвращения мужа Ванда вместе с родившейся дочерью – Фелицией – (в настоящее время Фелиция Андреевна Новикова проживает в городе Речица Гомельской области в Белоруссии) вернулась к своим родителям в Германовщину.

¹⁵ В 1946 г. Андрей Шаркевич вернулся на родину из Польши и на пути в Германовщину таинственно исчез, так и не увидев родных и близких. Наиболее вероятная версия случившегося – разбойное нападение и убийство с целью ограбления. Никакого следствия, впрочем, проведено так и не было.

Покинула к этому времени родительский дом и старшая дочь Андрея Ивановича – Фортуната, вышедшая замуж за крестьянина из соседней деревни Рукши Стилбу Альфонса Ивановича, и Андрей Иванович остался на хуторе с младшей дочерью Стефанией.

Наконец, зимой 1942–1943 гг. во время карательной экспедиции немцев погиб и сам Андрей Иванович. Вместе с ещё 16 односельчанами – жителями деревни Матеша, он был заживо сожжён в одном из её домов. Сожгли немцы (или вернее латыши, которые, собственно, и составляли карательный отряд) и хутор Рудавец.

Сама Стефания этого ужаса, правда, не видела, так как вместе с другими молодыми девушками и парнями её заставили гнать отобранный у жителей деревни скот в город Браслав для последующей отправки в Германию. Туда же должны были отправить и согнанную из окрестных деревень молодёжь. Попала в их число и Стефания Андреевна. Только случайность (встретила знакомого полицейского, который помог ей выбраться из оцепления) позволила ей избежать угона в Германию и вернуться в деревню.

Можно представить себе ужас молоденькой девушки, когда, подходя рано утром к хутору, вместо родного дома, она увидела только дымящиеся головешки. Страшным ударом для неё стало и известие о трагической смерти отца. Обгорелый труп Андрея Ивановича она впрочем, опознала, по характерным пуговицам его не вполне сгоревшего овчинного полушубка и похоронила рядом с матерью и братом.

Лишившись в одночасье родительского дома, первое время Стефания жила у своей подруги в соседней деревне Кузьмовщина, а затем в деревне Хлебовщина у Юзефы Долецкой, кстати эта Юзефа, пожалуй, самая близкая из всех подруг Стефании, стала впоследствии крёстной матерью её детей, в том числе и Виктора Степановича.

Спасло Стефанию от голода то, что на пожарище ей удалось обнаружить закопанный отцом в землю сундук с зерном, который и был перевезён ею сначала в Кузьмовщину, а затем Хлебовщину. Этим она первое время и жила.

Однако долго такое житьё у подруг продолжаться не могло. И, в конце концов, она вынуждена была вернуться на хутор в отцовскую баню-землянку, которая, собственно, потому и не сгорела, что была выкопана в земле у подножия довольно внушительной горы или холма. Топилась эта баня по-чёрному, т. е. никакой печной трубы у неё не было и дым из топившейся, сложенной из камней печки (печка-каменка) выходил в отверстие в потолке бани и в открытую дверь.

К счастью, после смерти отца, вернулась на хутор и старшая сестра Стефании Фортуната с мужем. Они также вырыли землянку по соседству и стали обзаводиться хозяйством.

Надо было обзаводиться хозяйством и Стефании. В первую очередь речь шла о корове. О том, чтобы купить её не могло быть и речи. Не было денег. Выручил дядька Игнатий Стомма, о котором у нас уже шла, речь и который к этому времени женился и жил с женой в деревне Густаты. Он дал Стефании маленькую тёлочку на обзаведение. Через два года она превратилась в корову. Отцовскую землю сёстры поделили пополам и каждая должна была обрабатывать свою половину самостоятельно. Сажали картофель, капусту, сеяли рожь. Вскладчину приобрели лошадь, при помощи которой и обрабатывали землю. Настоящей бедой Стефании, как впрочем, и других её односельчан, были непомерно высокие налоги. Дело в том, что в первые послевоенные годы колхозов в Западной Белоруссии ещё не было, а с крестьянами-единоличниками новая власть не церемонилась. Для Стефании же эта проблем налогов, в том числе и натуральных, усугублялось ещё и тем, что земли у неё было не 5 гектар, а чуть больше, поэтому налог с неё брали уже не с 5, а как с 10 гектар.

На её настойчивые просьбы уменьшить надел, никто не реагировал. Выплатить налог она не могла; не удивительно поэтому, что скоро у неё образовалась большая задолженность. На этой, собственно, почве и произошла её первая встреча с уполномоченным Министерства заготовок или, проще говоря, финагентом Степаном Брачевым.

Вот как вспоминала об этом сама Стефания Андреевна: «Стоял поздний летний вечер 1946 г. Усталая возвращалась я с мешком муки на плечах в свою землянку из деревни Шоколивщина, которую только что размолоча вручную на жерновах. Вдруг вижу – едет Кавур (Пушкарёв), а на телеге незнакомый мужчина. – Вот эта, которую не нашли, – говорит Кавур и показывает на меня».

Здесь уместно сказать, что сдавали налог в это время не только зерном, но и молоком. Приёмный пункт был в деревне Бельмонты в семи километрах от Матеш. Носить молоко на такое большое расстояние было неразумно, и поэтому вместо молока было разрешено сдавать масло. Вот по нему-то у Стефании и была большая задолженность. Узнав в чём дело, Стефания обещала задолженность ликвидировать, и, сославшись на то, что уже поздно, отправилась домой.

После этого финансовый агент Степан Брачев зачастил на хутор Рудавец. А поскольку Стефания жила одна и явно не справлялась с хозяйством, он стал ей помогать: колоть дрова, убирать хлеб, молотить снопы с зерном, косить траву и прочее. В результате этим же летом они поженились. А уже менее чем через год, 26 мая 1947 г. появился на свет и герой нашего повествования, первенец в этой семье Виктор Степанович Брачев.

Виктором его назвал отец, видимо, в память о своём первом сыне от брака с Аграфеной Тихоновной в селе Озёрки, о чём уже у нас шла речь.

Жили первое время молодожёны в уже упоминавшейся бане, поскольку топились она по-чёрному, стены и потолок её всегда были чёрными от сажи. Никакой мебели здесь, понятное дело, не было, да и не могло по бедности быть. Чтобы младенец не задохнулся от дыма в то время, когда печка топилась, отцу приходилось закутывать его в тряпье и выносить наружу.

Главная задача, которую поставил перед собой Степан Николаевич заключалась в том, чтобы срочно построить свой дом. Конечно же, и речи не могло быть о совершенно новом доме. Единственное что ему удалось, так это приобрести в дальней деревне небольшой сарай, разобрать его, перевезти в Рудавец и, собрав здесь заново, приспособить под жильё. Так он и поступил.

26 мая 1948 г. т. е. когда Виктору Степановичу исполнился ровно год, свои первые шаги он сделал уже по новому дощатому полу в новом доме. Это было событие.

Что же касается самого дома, то, по словам *В.С.* дом – это слишком громко сказать. На самом деле это была маленькая хатка в 2 окна, без фундамента, покрытая соломенной крышей. Зимой в ней было страшно холодно и в вёдрах замерзала вода. Спасались на русской печи. Собственно вокруг неё и теплилась жизнь. Мебели в доме никакой не было. Вместо неё – сбитый из досок стол и лавка. Не было в доме и часов. Из посуды – сковорода, 4 алюминиевых ложки и одна, правда, глубокая, миска. Из неё все и ели. Впрочем сестра Стефании Андреевны, Фортуната, жила и того хуже. Ложки и миски, по воспоминаниям *В.С.* были у них деревянными. Особенно запомнились *В.С.* башмаки Фортунаты Андреевны с деревянными подошвами (крайняя степень бедности). Да и свой дом Фортуната Андреевна с Альфонсом Ивановичем смогли построить только где-то в 1956–1957 гг., т. е. намного позже, чем семья Брачевых, а до этого жили они в землянке, также топившейся по-чёрному. У них было двое детей – 2 девочки, старшая Вячеслава (Чеся, 1943 г.р.) и младшая Фортуната (Франя, 1946 г.р.). В тесном общении и в играх с ними, собственно, и формировались первые детские впечатления Виктора Степановича. Младшая из них, Фортуната, к сожалению, уже умерла, а старшая Чеся живёт в настоящее время в г. Екабпилс в Латвии, куда они уехали из Матеш ещё в конце 1950-х гг. спасаясь от нищеты.

Что же касается семьи Брачевых, то она в начале 1950-х гг. увеличилась. 5 марта 1950 г. у них появился второй сын – Валентин (в настоящее время проживает в Полоцком районе Витебской области, республика Беларусь, пенсионер). Так как брак между родителями к

этому времени официально был расторгнут, хотя они и продолжали жить вместе, зарегистрировать его пришлось уже по фамилии матери – Шаркевич. В 1953 г. появился ещё один ребёнок – Николай, но он через год умер.

В 1953 г. с *В.С.* случилось большое несчастье, первое в его жизни. Видя что отец наточил топор и положил его под лавку, мальчик решил самостоятельно срубить дерево; взял топор и держа его обеими руками на весу вышел на улицу. Но по дороге подскользнулся, упал и топор свалился на него, разрубив кисть левой руки. Сам Виктор, впрочем, так испугался, что не почувствовал боли, не было на первых порах видно и крови, но зато как испугались его родители!

Никаких бинтов в доме, не говоря уже о йоде, зелёнке и прочем не было и в помине. Стояла летняя жара, кругом было полно мух и, боясь заражения крови, так как рана оказалась глубокая, Стефания Андреевна, не придумала ничего другого, как дезинфицировать её. Заставив *В.С.* положить руку на порог хаты, она тут же пописала на неё, и надо сказать поступила, хотя и оригинально, но совершенно правильно. Перевязав затем наскоро руку мальчику какой-то тряпкой, родители решили немедленно отправить его в больницу г. Браслав, до которого было не менее 15 вёрст. Своей лошади, не говоря уже о каком-нибудь другом транспорте, у Брачевых, естественно, не было. Ни о каких рейсовых автобусах или скорой медицинской помощи, говорить тоже не приходилось. Надо было срочно обращаться в колхоз за лошадью, и здесь ярко проявилась разница характеров отца и матери *В.С.* Степан Николаевич заколебался в эту ответственную минуту и стал говорить, что лошадь с телегой ему никто не даст, что идёт уборка урожая и прочее. В результате за лошадью вынуждена была пойти Стефания Андреевна. Пошла она прямо в поле и когда ей отказали, не долго думая, отобрав вожжи столкнула одного из мужиков с телеги и погнала её к дому.

В больницу *В.С.* повёз, впрочем, уже отец. Здесь мальчику сразу же сделали операцию и зашили рану. В больнице он пролежал где-то дней 10.

Что запомнилось ему, так это манная каша, которую принесли Виктору на завтрак. Попробовав её на вкус, он решительно отказался однако её есть. «Что это такое, это не настоящая каша, настоящая каша – это бульбяная, т. е. картофельная». Дело в том, что до этого ни манной, ни какой другой каши, кроме картофельной, он никогда не видал. Мальчику пошли навстречу и на следующий день ему принесли картошку с мясом. Есть её впрочем Виктор тоже не стал, но зато её с большим удовольствием съел навестивший его и проделавший для этого нелёгкий 15-километровый путь пешком, его голодный отец.

Обратный путь из Браслава оказался для мальчика так же тяжёлым испытанием. Увидев, что сын устал, Степан Николаевич взял его в районе деревни Ахремовцы себе на плечи. Здесь между прочим произошёл весьма характерный для *В.С.* эпизод: увидев на обочине дороги рваную калошу, отец поднял её и осмотрев хотел взять с собой – авось пригодится в хозяйстве. Но тут раздался рассудительный голос сына: «папа не надо брать эту дрянь, зачем она тебе, мы не нищие». Это так поразило отца, что он тут же выбросил злосчастную калошу, а придя домой, рассказал о случившемся жене. «Вот какой разумный сын растёт у нас», – заявил он. И в дальнейшем *В.С.* поражал своих родителей и окружающих не характерной для его возраста рассудительностью.

В школу в соседней деревне Рудава *В.С.* пошёл 1 сентября 1954 г. Пошёл босым, так как у матери не было денег на детские туфли или сандали. Впрочем, справедливости ради, говорит *В.С.*, надо сказать, что не он один был такой, а добрая половина класса ходила в школу босая, и это никого особенно не волновало. Единственно, что требовали учителя, так это чтобы ноги были чистыми. А так как они, были понятное дело, грязными: ведь не по паркету шли дети в школу, а по просёлочной дороге, то перед тем как войти в школу, ноги обязательно приходилось мыть в луже. Но это только в том случае, если она была. Эта же картина повторилась и в следующем году. Туфлями *В.С.* обзавёлся где-то в классе 3 или 4.

Когда же наступали осенние и зимние холода, то обувать Виктору приходилось материнские резиновые сапоги 38 размера, в качестве же верхней одежды, использовалась материнская фуфайка и отцовская шапка-ушанка. В таком вот виде и ходил *В.С.* в школу.

Поскольку в колхозе почти ничего не платили, а уйти из него было нельзя, не давали паспортов, то иначе как голодными детские годы *В.С.* не назовёшь. Спасала картошка с приусадебного участка (50 соток), да овощи с огорода. Хлеба, как правило, не было. Да и откуда было ему взяться, ведь то зерно, что давали на трудодни в колхозе, вполне умещалось в 1–2 мешках, да и то зерно было гнилое. Спасались тем, что сеяли рожь на приусадебном участке. Мать жала её серпом, вязала в снопы, после чего их молотили цепями вручную и получали зерно, но чтобы испечь из него хлеб, зерно надо было размолоть. Никакой мельницы в деревне не было, да и быть не могло, но зато у сестры Стефании Андреевны – Фортунаты Стилба были каменные жернова, на которых вручную зерно перемалывалось в муку. Этим занималась обычно мать. Пытался ей помогать, когда подрос, и сын, но работа эта тяжёлая и надолго его не хватало.

«Сегодня может возникнуть вопрос, – говорит *В.С.* вспоминая своё детство, – почему мы не умерли, как выжили? Выжить нам помогла корова. Самые трудные месяцы наступали тогда, когда перед отёлом буквально на 6–7 недель мать прекращала её доить (не было молока), а самая большая радость, когда корова, наконец, телилась и наступало молочное изобилие».

В 1954 г. из-за того, что заложенная осенью на зиму в бурты колхозная картошка сгнила, и на Степана Николаевича, как на бригадира, в судебном порядке было наложено взыскание за понесённый колхозом ущерб, в доме Брачевых появился судебный исполнитель с деревенскими мужиками, чтобы забрать у семьи единственную ценность, которая у него была – корову (больше не было ничего). В этой сложной ситуации Стефания Андреевна не долго думая, схватила топор и матерно ругаясь и крича, стеной встала у хлева, грозя порубить каждого, кто подойдёт к его двери. В результате, несмотря на все уговоры судебного исполнителя деревенские мужики «идти под топор» отказались, не решился на это и сам судебный исполнитель. Грозя матери всевозможными карами он вынужден был удалиться.

«Соппротивление законным властям, шаг, безусловно, серьёзный, акт отчаяния. Но идя на него мать спасла нас с братом от голодной смерти, ибо без коровы, т. е. без молока, в отсутствии хлеба, на одной картошке, нам было бы не выжить. Всегда гордился и горжусь своей матерью», – говорит в связи с этим *В.С.*

Конечно же, Стефания Андреевна старалась не только прокормить, но и хоть как-то приодеть своих ребятишек. Дело в том, что со времени единоличного хозяйства (1945–1949 гг.) у неё оставался некоторый запас льна, из которого после так называемой процедуры трепания удалось получить паклю, а затем и льняную пряжу. Что запомнилось *В.С.*, так это зимние длинные вечера при свете коптилки и мать за прялкой.

После того, как эта утомительная работа была окончена, Стефания Андреевна отправилась в соседнюю деревню Кузьмовщина к одной из своих подруг, у которой в доме стоял старинный ткацкий станок. Сотканная ею таким образом льняная ткань была покрашена в домашних условиях в чёрный цвет и по специальному заказу местная деревенская швея сшила Виктору и его брату Валентину их первые в жизни «школьные» костюмы: брюки галифе и френчи. Никакого другого фасона ни Стефания Андреевна, как заказчик, ни исполнительница – деревенская швея – не знали. Тогда же впервые появились в семье Брачевых льняные простыни и скатерти. Одну из них *В.С.* бережно хранит как память о матери, до сих пор.

Характерная особенность *В.С.* детских лет – это его упрямство и неуёмная тяга к знаниям. Едва научившись читать, он так пристрастился к этому занятию, что уже к 4 классу перечитал практически весь детский фонд школьной библиотеки и принялся за «взрослый»:

Л.Н. Толстой, А.П. Чехов, М. Горький, И.С. Тургенев, Н.В. Гоголь, Н.А. Гончаров и др. Читать ему приходилось на печи при свете керосиновой коптилки (жестяная банка с керосином и фитилём из пакли), причём читать, по требованию родителей, непременно вслух, так как они тоже проявляли живейший интерес к содержанию произведений русской классики.

Последствия этого увлечения, не заставили себя долго ждать: резкое ухудшение зрения В.С. и как следствие – очки, которые ему пришлось одеть в 11 лет. В тоже время, несомненно, и другое. Страсть к чтению много способствовала умственному развитию мальчика. Уже в детские годы он резко выделялся из среды своих сверстников, смотревших на учёбу в школе как на своего рода некую обузу и явно тяготившихся ею.

Для Виктора же именно школа как раз и была тем светлым лучом в тёмном царстве тяжёлой и безрадостной повседневности, который освещал его жизнь. Пропустить уроки, не пойти в школу, было для него немыслимым. Жестокие морозы 30–35 градусов в зимние месяцы в эти годы для Белоруссии были обычным явлением и занятия в школе на этом основании часто отменялись, причём без предупреждения родителей, так как никаких телефонов не было. Единственным учеником, приходившим в эти дни в школу, был только Виктор.

Стоит видимо привести характеристику ученика 6 класса Рудавской 7-летней школы Брачева Виктора Степановича от 26 мая 1960 г. из его личного школьного дела.

«В течение 1959–1960 учебного года, – читаем мы здесь, – Брачев Виктор являлся дисциплинированным учеником, как в школе, так и вне школы. Регулярно посещал занятия. Родители заинтересованы в обучении своего сына. Домашние задания выполнял аккуратно. На уроках всегда внимателен, активен. Брачев Виктор очень увлекается чтением книг художественной литературы. Это сказалось и на его устной речи и на его письме. Он хорошо излагает прочитанное, грамотен. В коллективе вежлив, активно участвует в жизни класса. Общественные поручения выполняет добросовестно, трудолюбив. Виктор – хороший участник художественной самодеятельности, является членом кружка юннатов. Материально плохо обеспечен, имеет плохое зрение».

Сама Рудавская 7-летняя школа располагалась километрах в 3-х от дома Брачевых, причём никакой дороги до неё не было. Добираться приходилось, как говорится, напрямик, через поля, луга и болота. Кончилось это тем, что, возвращаясь однажды зимой в пургу из школы В.С. в надвигавшихся сумерках, взял не то направление и забрёл в болото, а когда выбрался из него, понял, что заблудился. К этому времени уже совсем стемнело и мальчик потерял всякий ориентир, устал и не знал, что делать. Всю ночь блуждал он по полям и болотам, пока под утро не увидел, наконец, тусклый огонёк, светящийся в темноте в окне какого-то хутора и пошёл на него. Это его и спасло. Тем временем, уже отчаявшаяся Стефания Андреевна безуспешно обойдя все окрестные деревни в поисках сына, заглянула, наконец и на этот хутор. И история эта, едва не стоившая В. С. жизни, закончилась вполне благополучно, хотя ужас, который он испытал во время этих блужданий не изгладился из его памяти до сих пор.

Самые добрые впечатления остались у В.С. матешского периода его жизни от общения с тётей Катей, старшей сестрой Степана Николаевича. Живя последние годы в городе Шумерля Чувашской АССР, она, по словам В.С., поддерживала с семьёй своего младшего брата, близкие отношения и часто приезжала к ним в гости.

Тем временем, нищета и безысходность колхозной жизни в белорусской деревне, подтолкнули семью Брачевых к переезду в соседнюю Латвию, где жить было, как оказалось, на порядок легче. Инициатором этого переезда был отец Степан Николаевич. Мать была против, опасаясь неизвестности, но, наконец, удалось уговорить и её. Произошло это в самом начале мая 1960 года.

Сам исторический переезд в соседнюю республику свершился, согласно воспоминаниям В.С. на латышском колхозном грузовике, в который погрузили всё их так называемое

имущество – корову, две овцы, собаку по прозвищу Бобик и кошку. Никакого другого имущества у них не было. Отец с матерью расположились в кузове рядом с коровой, *В.С.* с братом и кошкой «Катей» в кабине рядом с шофёром.

Новым местом жительства семьи Брачевых стал хутор Зилес (Синий) Коценского сельсовета Валмиерского района Латвийской ССР. Мать Стефания Андреевна стала работать дояркой на ферме местного колхоза им. В.И. Ленина, отец – пастухом.

Большой проблемой первое время для семьи Брачевых стало отсутствие у отца и матери паспортов, но благодаря поддержке местных латышских властей, которые были заинтересованы в притоке рабочей силы в колхозы, проблема эта была благополучно решена.

Конечно, и на новом месте жительства семья столкнулась с рядом проблем, но здесь всё же платили кое-какие деньги и семья смогла, наконец, не только нормально питаться, но и приобрести некоторые жизненно необходимые для её существования вещи: платяной шкаф, телевизор марки «Рекорд» и прочее. «Мы, – вспоминает *В.С.*, – стали жить лучше. Купили радиолу “Стрела” за 40 рублей, 2 железные кровати, мать приобрела себе наручные часы и пальто, отец – гармошку, а затем и аккордеон. В Белоруссии у нас ничего не было, хотя работали родители как лошади.

Мы с братом с большим удовольствием сбросили с себя сшитые нам в Белоруссии домотканые штаны-галифе и старомодные френчи, над которыми смеялись в школе. Вместо них мать купила нам фабричные штаны и пиджаки. Учились мы с братом в Зилайсканской 8-летней школе – это посёлок городского типа, построенный в 1950-е гг. при местном торфозаводе. Население его было приезжее, в основном русские и белорусы». Русской была и вторая средняя школа в городе Валмиере, куда поступил *В.С.* после окончания школы-восьмилетки в посёлке Зилайсканс. Валмиера (немецкий Вольмар), куда бежал в XVI в. от Ивана Грозного к польскому королю боярин – изменник князь Андрей Курбский, *В.С.* проучился здесь три года в 9–11 классах.

К этому времени (1963 г.) из тесной и неудобной комнаты в сыром каменном доме на хуторе Зилес, по которой, не боясь ничего, бегали огромные крысы, (здесь-то и подхватил *В.С.* желтуху, которой ему пришлось вместе с братом переболеть) семья Брачевых переехала на хутор Терцитес-2, в один из двух аккуратных финских домиков, специально построенных для доярок при животноводческой ферме, где, собственно, и работала Стефания Андреевна. В 1965 г. она получила здесь производственную травму и стала инвалидом 2-й группы; в 1966 г. после операции на старой ещё с фронтовых времён ране, получил 2-ю группу инвалидности и Степан Николаевич.

Сам хутор Терцитес-2 и ферма располагались метрах в 700–800 от селения Муяны (до революции Пилсмуйжа, а ещё ранее замок «Моян», последним владельцем которого перед 1917 г. был граф Эммануил Менгден). Деревянный дом самого графа, к этому времени был уже в плохом состоянии, но зато каменные стены, хозяйственные постройки и живописные развалины немецкой крепости времён Ливонского ордена, прекрасно сохранились.

Получив в июне 1965 г. аттестат об окончании средней школы, *В.С.* в этом же году поступает на исторический факультет Псковского педагогического института им. СМ. Кирова и на постоянное жительство в Муяны он уже не возвратился, хотя регулярно навещал своих родителей и проводил здесь практически каждое лето.

Оказавшись в сентябре 1965 г. в Пскове, *В.С.* с жаром принялся за учёбу, хотя обстановка в институтском общежитии, куда его поселили, не слишком-то этому способствовала. Вот одно из его писем к родителям этого времени. Датировано оно 3 апреля 1966 г.

«Здравствуйте дорогие мои родители и брат Валик. Сообщаю, что доехал я благополучно, ничего пока ещё не покупал. Деньги (30 руб.) я получил, но подходящих плащей здесь нет. Туфли свои я отнёс в починку и всё идёт хорошо <...> Здесь у нас в институте проходила научная конференцию и я выступил с докладом о Псковском коммунистическом батальоне

(1919 г.). Доклад хвалили и обещали напечатать к октябрю месяцу. Подарили книжку и авто-ручку, дали грамоту. А в остальном всё по-старому. Оставайтесь живы и здоровы. Ваш сын Виктор. Валик! (брат. – *И.П.*) поздравляю с 17-летием! Раста большой и готовься поступать в институт!»

Прилежание и заинтересованность, с которым относился *В.С.* к учёбе (а учился он только на отлично), принесли-таки свои плоды: фотография его появилась на институтской Доске Почёта, а сам он, правда, только на последнем курсе, был удостоен Ленинской стипендии ЦК ВЛКСМ. Это что-то около 80 рублей, довольно большие по тем временам для студента деньги. Жить, как говорится, стало веселее.

Ректором института в то время был историк доцент И.В. Ковалёв, которого сменил вскоре заведующий идеологическим отделом Псковского обкома партии кандидат исторических наук П.А. Николаев. Деканом исторического факультета была доцент Н.П. Попова, специалист по истории КПСС. Заведующей кафедрой истории СССР – доцент С.И. Колотилова. Из других историков наиболее яркой фигурой на факультете был, согласно отзыву *В.С.*, доцент Б.П. Селецкий, читавший историю древнего мира. Историю России XVIII–XIX вв. читал доцент Л.Д. Рысляев. Из других преподавателей следует назвать доцента Е.П. Иванова и археолога И.К. Лабутину. Никаких профессоров на факультете не было.

Что касается курса, на котором учился *В.С.*, то тон на нём задавали не вчерашние одиннадцатиклассники, вроде *В.С.*, а зрелые ребята, уже отслужившие в рядах Советской Армии и поступившие в институт вне конкурса: А.И. Проневич, К.Д. Александров, В.М. Елагин, Н.Р. Демешенков, П.С. Васильев и др. Интересы к науке из них не проявлял никто и *В.С.*, просиживавший целыми днями в читальном зале институтской библиотеки, был здесь несомненно «белой вороной». Характерно и прозвище, которое закрепилось за ним с их подачи среди однокурсников – «профессор».

Ещё на старших курсах пединститута у *В.С.* появилась мысль попробовать себя после его окончания на поприще профессионального историка. Толчком к этому послужила его работа над курсовиком на втором курсе, посвящённом классовой борьбе в Древней Руси. В ходе написания её, ему пришлось основательно проштудировать как «Повесть временных лет», так и работы таких корифеев исторической науки тех лет как Б.Д. Греков, М.Н. Тихомиров, В.В. Мавродин, у которых *В.С.*, к своему удивлению, нашёл немало количество неточностей, противоречий и прямых расхождений, с тем, что говорит источник.

Высокая оценка этой работы со стороны научного руководителя *В.С.* доцента И.К. Лабутиной, собственно, и поселила в нём мечту об аспирантуре.

С окончанием в июне 1969 г. пединститута, мечта эта, вначале казавшаяся несбыточной, стала обретать черты реальности. Правда, в официальном целевом направлении в аспирантуру *В.С.* было отказано. Но рекомендацию в неё, никого и ни к чему, впрочем, не обязывающую, он всё-таки получил. С этим и уехал *В.С.* в Ленинград поступать в аспирантуру.

Это было первое посещение *В.С.* великого города, и не удивительно, что он был ошеломлён увиденным. Особенно впечатлила его Исаакиевская площадь с памятником императору Николаю I. Первым учреждением, куда направил свои стопы *В.С.* был истфак ЛГУ. Однако заведующего кафедрой истории СССР, профессора В.В. Мавродина на месте не оказалось и, не долго думая, он отправился в Пединститут им. А.И. Герцена.

Здесь он был тепло встречен тогдашним заведующим кафедрой истории СССР профессором А.А. Мухиным. Дело было за малым: благополучно сдать вступительные экзамены. Экзамены *В.С.* сдал, но поскольку место в аспирантуру по кафедре истории СССР было только одно и на него здесь уже был свой претендент, Валерий Островский (ныне известный политолог и профессор Санкт-Петербургского университета) *В.С.* в результате было предложено только место аспиранта-заочника, на что он и согласился.

А.А. Мухин будучи специалистом по советскому обществу предлагал *В.С.* взять в качестве темы для будущей кандидатской диссертации историю коллективизации в одной из областей Северо-Запада России. Но тут в дело неожиданно вмешался только что защитивший докторскую диссертацию по опрличнине Ивана Грозного профессор Р.Г. Скрынников. Каким-то образом профессор всё-таки прочитал реферат *В.С.* о классовой борьбе в Древней Руси и он ему понравился. Кончилось всё тем, что Руслан Григорьевич сам подошёл к *В.С.* и заявил, что по его убеждению он прирождённый «древник», или как выразился Р.Г. Скрынников «феодал» и предложил ему писать диссертацию под его научным руководством.

В.С., у которого душа не лежала к теме по истории коллективизации, с радостью согласился на это лестное предложение. Не возражал против такого поворота дела и проф. А.А. Мухин. Сразу же обговорили и тему будущей диссертации – «Политическая борьба в Русском государстве в конце XV в.».

Так как впоследствии у Р.Г. Скрынникова появились и другие ученики, стоит подчеркнуть, что именно *В.С.* был первым среди них, первым в его жизни аспирантом. С этим, очевидно, было связано и то особое внимание, какое уделял ему Руслан Григорьевич в это время в результате чего *В.С.* совершенно неожиданно для себя оказался, правда, на самое короткое время, вхож в дом профессора, стал бывать у него на даче и прочее.

Окрылённый этим *В.С.* возвратился в Псков, где его, впрочем, никто не ждал. Пришлось снять комнату и серьёзно задуматься о начале своей трудовой деятельности. Ведь аспирантура-то была заочной. За советом *В.С.* обратился к своим институтским учителям. Совет, впрочем, который они ему дали – учительство в псковской глубинке – оказался, как показали последующие события, далеко не лучшим.

Прислушавшись к нему, *В.С.* свою трудовую деятельность начал (октябрь 1969 г.) в качестве учителя истории Черской средней школы Палкинского района Псковской области. Впечатления, полученные им здесь, оказались не слишком радужными. Нагрузка, в смысле количества уроков, оказалось большой, а зарплата (90 рублей), слишком маленькой. Положение осложнялось ещё и тем, что наряду с учениками дневной школы *В.С.* пришлось ещё вести уроки и в вечерней школе. В результате – целый день на работе.

Поселили *В.С.* в деревне Наумково в съёмной комнате деревенской избы, в другой комнате жили дед со старухой. Еду себе *В.С.* готовил сам: варил на электрической плитке картошку, а масло, хлеб, чай и сахар покупал в деревенском магазине. Удобства – во дворе. И что самое главное – никаких перспектив. Хозяева избы как могли жалели молодого учителя и старались вразумить его. «Наши дети, – говорили они, – закончив 8 классов, уехали в поисках лучшей жизни в город, получили там квартиры с удобствами, хорошую работу, завели семьи, что же тебя привело сюда? Здесь в деревне молодому человеку, да ещё и с высшим образованием, делать нечего».

Понимал это и сам *В.С.*, тем более, что о серьёзной подготовке к сдаче экзаменов кандидатского минимума (История СССР, Марксистско-ленинская философии, История КПСС) и работе над диссертацией в этих условиях не могло быть и речи.

К весне 1970 г. *В.С.* стало окончательно ясно, что работа в деревенской школе – это ошибка, и надо срочно перебираться в город, т. е. в Псков. 28 мая он увольняется из школы, приезжает в Псков и определяется на должность экскурсовода Псковского историко-художественного музея-заповедника. Лёгкость с которой он получил это место была связана с ходатайством за него перед дирекцией музея доцента истфака Псковского пединститута С.И. Колотиловой.

К сожалению, поспешный уход *В.С.* из Черской средней школы, дорого ему обошёлся. Дело в том, что директор школы своего согласия на увольнение *В.С.* не давал и приказ о его освобождении от должности учителя был подписан заведующим районным отделом народного образования Палкинского района в его обход.

Возмездие не заставило себя долго ждать: обозлённый случившимся директор школы срочно организовал заседание партбюро, которое уже, правда в отсутствие *В.С.* тут же объявило ему строгий выговор по партийной линии. Здесь следует пояснить, что ещё на последнем курсе по рекомендации своих институтских преподавателей *В.С.* был принят кандидатом в члены КПСС, а затем уже зимой 1970 г., будучи учителем в Черской средней школе стал полноправным членом партии. Выговор этот или, вернее, его последствия стоил *В.С.* немало нервов, хотя о самом факте своего более чем 20-летнего пребывания в этой организации *В.С.* никогда не сожалел и не сожалеет.

В Псковском музее, где он водил экскурсии по Поганкиным палатам *В.С.* задержался, однако, тоже не долго. Дело в том, что Р.Г. Скрынников, аспирантом которого, как мы уже знаем он был, перешёл в 1971 г. из Педагогического института в Ленинградский университет и, беспокоясь о судьбе своего первого аспиранта, предложил ему забрать из пединститута свои документы и поступать в аспирантуру Ленинградского отделения Института истории к профессору Сигизмунду Натановичу Валку, так как именно в этом году, специально под него, руководство отделения (Н.Е. Носов) сумело получить специальное аспирантское целевое, т. е. с последующим оставлением в институте, место.

Конечно, говорит сегодня *В.С.*, как выпускник, пусть и с красным дипломом провинциального пединститута я не мог даже и мечтать о такой перспективе. Да и о самом существовании С.Н. Валка знал не по его трудам, а только слышал о нём от его ученицы, доцента Псковского пединститута Л.А. Бакусовой. Учитывая преклонный возраст Сигизмунда Натановича (родился в 1887 г.) и его удельный, так сказать, вес в сообществе ленинградских историков той поры, явное навязывание в качестве «последнего ученика» совершенно неизвестного ему молодого человека из Псковского пединститута было не совсем удачной и, во всяком случае, рискованной идеей. Взять *В.С.* его уговорила супруга Р.Г. Скрынникова, сотрудница ЛОИИ и любимая ученица С.Н.Валка Лидия Николаевна Семёнова. Да и заведующий Ленинградским отделением Института истории Н.Е. Носов, судя по всему, тоже к этому руку приложил.

Как бы то ни было, после проведённого в сентябре собеседования 15 ноября 1971 г. *В.С.* был зачислен в аспирантуру ЛОИИ с отрывом от производства по специальности «Историография и источниковедение», о чём ему и сообщил в Псков срочной телеграммой Р.Г. Скрынников. Быстро уладив в Пскове дела *В.С.* купил себе билет на железнодорожном вокзале, сел в вагон и уже рано утром следующего дня был в Ленинграде – городе, которому, без преувеличения можно сказать, суждено было стать его судьбой.

Глава 2. 1971–1987 гг.: самые трудные и самые счастливые. Аспирантура ЛОИИ. Музей истории ЛГУ. Кандидатская диссертация

Тема диссертации, которую предложил *В.С. С.Н. Валк* была вполне в валковском духе: «Древнерусский акт в исторической литературе XVIII–XIX вв.». Широта, неопределённость, можно даже сказать, неподъёмность этой темы для начинающего исследователя была очевидной, тем не менее *В.С.* с жаром принялся за её разработку, проводя целые дни в Публичной библиотеке. Однако, когда через год настало время подведения итогов работы, *С.Н. Валк*, видимо, понял, что в отпущенный для аспиранта срок написания диссертации (3 года) *В.С.*, скорее всего, не уложится и предложил новую и тоже типично валковскую тему – «Петербургская археографическая комиссия периода капитализма».

Существенной особенностью её, в отличие от прежней, являлось то, что она была более понятной *В.С.* и как в основе своей описательная, оказалась вполне подходящей для кандидатской диссертации. Другое дело, что объём предстоящей работы оказался настолько велик, что завершить начатое исследование в срок за оставшиеся полтора года до окончания срока аспирантуры было явно нелёгкой задачей. Но *В.С.* принял случившееся как должное и снова засел за книги. Много времени пришлось посвятить ему в это время и изучению богатейшего архива Археографической комиссии в Ленинградском отделении Архива Академии Наук СССР.

Что касается личных отношений с *С.Н. Валком*, то они, по словам *В.С.*, были у него самые добрые. Профессор проявлял большое внимание к своему ученику, причём не только в научном плане, но и в плане житейском, а однажды даже предложил ему финансовую помощь, от чего смущённый *В.С.*, понятное дело, отказался. Много и охотно делился с ним *С.Н.* и своими воспоминаниями, в том числе и о «Академическом деле» 1929–1931 гг., на которое у него был свой, особый взгляд, расходящийся с сегодняшними версиями. Особенно запомнилась *В.С.* беседа с *С.Н. Валком* в 1972 году в Главном здании Университета, когда, выйдя с ним из Актового зала, где проходила траурная церемония прощания с проф. *С.Б. Окуном*, тот пустился в воспоминания о своих студенческих годах.

Конечно же, говорить о каких-то особо близких отношениях ученика с учителем, учитывая возрастную разницу между ними, не говоря уже о таких «мелочах», как слишком очевидный разрыв их в общеисторической и культурной подготовке, было бы большим преувеличением. Но, как отмечает *В.С.*, *С.Н. Валк* был очень умным и тактичным человеком, и если он всё же показывал своё превосходство по отношению к собеседнику, то крайне редко, в минуты сильного раздражения, а в обыденной обстановке держался просто и общаться с ним было легко. Вот только руководить аспирантами он не умел и за 3 года работы с *В.С.* каких-либо конкретных советов как в смысле работы над текстом диссертации, не говоря уже об идеях, он от него так и не получил и всё ограничилось, по сути дела, общими указаниями по части литературы, источников, да элементов техники научной работы.

Положение осложнялось ещё и тем, что во время своего пребывания в аспирантуре, проживавший в общежитии Академии Наук на улице Яковской, *В.С.* успел жениться (4 января 1973 г.) на аспирантке из Самаркандского университета физике Светлане Мурадуллаевне Хурсандовой. 29 ноября 1973 г. она родила ему сына, которого назвали в честь её дедушки по материнской линии Сергеем. Всё это не слишком-то способствовало усиленной работе *В.С.* над диссертацией. К тому же 20 декабря этого же года у него умирает в Муянах, о которых уже шла речь, от рака отец. Похоронили Степана Николаевича на городском пра-

вославному кладбищу г. Валмиера. Не заладилась у *В.С.* и семейная жизнь и дело, в конце концов, закончилось разводом.

Как ни сильны были эти первые в его жизни удары судьбы они не охладили, однако, научного пыла *В.С.*, просиживавшего в библиотеке целые дни, начиная с момента её открытия и до окончания работы. И надо сказать, что усилия его всё-таки увенчались определённым успехом и текст диссертации, что имело принципиальное значение для будущей судьбы *В.С.*, был им представлен в феодальный сектор, всё-таки в срок – в начале ноября 1974 г. Но делу это не помогло.

С.Н. Валк к этому времени был уже серьёзно болен, лежал в больнице и реальной помощи *В.С.* оказать не мог. 5 февраля 1975 г. он умер. Это, видимо, и предопределило последующую судьбу *В.С.*

В ЛОИИ его так и не оставили, да и с постановкой диссертации на обсуждение в секторе, руководство ЛОИИ явно не спешило. Правда, *В.С.* по своей наивности думал, что ничего страшного не произошло. Ну, не оставили его в институте, – ничего страшного. Можно будет устроиться в каком-либо другом высшем учебном заведении. Ну, не удалось обсудить диссертацию в срок, ничего страшного не произойдёт, если она будет обсуждена несколькими месяцами позже. Главную свою задачу *В.С.* видел в том, чтобы обеспечить диссертацию необходимыми для её защиты публикациями. Однако, когда он появился в стенах ЛОИИ и предложил свою статью для аспирантского сборника, который готовился в это время, то встретили его здесь неприветливо. Правда, ответственный редактор его А.Г. Маньков статью принял и даже дал адрес и телефон Г.В. Абрамовича, отзыв которого требовался, чтобы она пошла в печать. Но тут в разговор вмешался неожиданно подошедший куратор сборника Виктор Моисеевич Панях, категорически заявивший, что места в сборнике больше нет, хотя было очевидно, что это не так. Что же касается А.Г. Манькова, то он вместо того, чтобы возразить своему коллеге, как-то, вспоминает *В.С.*, покраснел и смешался. Этим всё дело и кончилось. *В.С.* был обескуражен.

Ещё более обескуражило его поведение Н.Е. Носова, который на основе предварительного заключения К.Н. Сербиной («сырая работа»), фактически отказал ему в рекомендации от имени сектора его диссертации для защиты. Впрочем, понимая, что результат обсуждения будет не в его пользу, *В.С.* на этом особенно и не настаивал, надеясь исправить отмеченные К.Н. Сербиной недочёты. Дело было однако не в недочётах, а в сформировавшемся, по не вполне понятным причинам, мнении руководства института о нецелесообразности защиты *В.С.*

Особенно тяжёлое впечатление произвела на него неудачная попытка устроиться на работу библиотекарем в Библиотеку Академии наук. Встретили его здесь хорошо и вопрос, как говорится, в принципе был решён. Однако, когда на следующий день *В.С.* опять появился здесь уже с трудовой книжкой, дирекция БАН тут же дала отбой, сославшись на негативный отзыв о нём из дирекции ЛОИИ. В результате *В.С.* не оставалось ничего другого, как в ожидании лучших времён согласиться на временную должность библиотекаря, сначала в Военно-механическом институте, затем в Публичной библиотеке и уже на постоянной основе в Научной библиотеке им. М. Горького ЛГУ. Это были, пожалуй, самые тяжёлые времена для *В.С.*

Мать, Стефания Андреевна, как могла старалась поддержать своего не слишком-то удачливого сына. Вот одно из сохранившихся у *В.С.* её писем той поры за 28 марта 1976 г. Писала его судя по всему её невестка Галя (жена брата Валентина). Сама Стефания Андреевна, как уже отмечалось, была неграмотной. Но писала она, несомненно, под её диктовку. «Здравствуй сын Виктор! Как здоровье, как успехи в работе над диссертацией? Ну, старайся, защищайся, не бросай работу, не отставай ни на шаг, иди вперёд. Если тебе трудно и денег

не хватает, то напиши, я вышлю. О деньгах не беспокойся, только напиши, я буду каждый месяц высылать <...> Работу не бросай, защищай диссертацию изо всех сил.

Валик получил квартиру, уехал в Гулбене <...> Я отдала ему всю мебель, радио и магнитофон, а тебе купим новый магнитофон. Звал меня Валик с собой, говорил: продай тёлку, уезжай с нами. Но я не согласилась. У меня своя квартира и сад, и всё на месте. А там, ну, как бы я там жила? Но Валик рассердился на меня, что я не поехала. Картошка замёрзла, но три мешка ему набрала.

Немного о себе. Пока ещё на ногах, пока жить можно, здоровье по-прежнему, около хозяйства ещё топаю. Пиши как твоё здоровье, как успехи. Если найдёшь время, то приезжай, не забывай. Пиши. До свидания, твоя мама».

Как ни сложна и запутанна была жизненная ситуация, в которой оказался в середине 1970-х гг., *В.С.* все его неприятности в одночасье перечеркнуло неожиданно свалившееся на него счастье в лице 18-летней Наденьки Рыга, учащейся одного из медицинских училищ Ленинграда – уроженке посёлка Зеленец под Архангельском. Историческая, как шутя называет её *В.С.* встреча, произошла 25 июля 1976 г. на Лиговском проспекте в 25 трамвае. «Я, – вспоминает он, – как-то сразу понял, что это как раз та девушка, которая мне нужна. Более близкое знакомство с Надей только укрепило меня в этой мысли. Оба мы были молоды, несмотря на некоторую разницу в возрасте (11 лет), бездомны, бедны и достаточно безрассудны, так как уже через неделю я повёз Наденьку в Муяны, чтобы представить её в качестве жены. “Вот мама, знакомься, это моя жена Надя”, – сказал я. “Ну что ж, заходите в дом, – ответила она и заплакала”».

Брак этот оказался удачным, и уже 1 июля 1977 г. у четы Брачевых появился первенец – девочка, которую в честь матери *В.С.* решено было назвать Стефанией, через год – 16 октября 1978 г. – второй ребёнок – дочь Анюта. 9 мая 1980 г. появляется третья дочь – Алёна.

В.С. конечно же ждал мальчика и он тоже, наконец, появился. Произошло это 13 мая 1981 г. Назвали его Андрюшкой. Стоит видимо отметить, что тяжёлые жилищные условия были причиной того, что рожала детей Надежда Николаевна не в Ленинграде, а в Латвии, в доме матери *В.С.* Можно представить себе счастье *В.С.*, когда он получил телеграмму о рождении долгожданного мальчика, и каково было его горе, когда выяснилось, что мальчик родился больным – «синдром Дауна». Прожил он, впрочем, не долго и в том же 1981 г. умер. Тем не менее история эта и всё что с ней было связано, явилось тяжёлым испытанием для отношений *В.С.* с Надеждой Николаевной.

После Андрюшки 16 августа 1982 г. у четы Брачевых родилась дочь Таня, а 24 ноября 1983 г. наконец-то появился на свет долгожданный второй сын, которого назвали Степаном. Мальчик родился здоровым и был назван в честь деда – Степана Николаевича. Радости *В.С.* не было предела, дело продолжения династии Брачевых было, наконец, обеспечено. Тем не менее, любовь к детям и стремление иметь большую и дружную семью привели к тому, что уже 2 мая 1986 г. появляется ещё один ребёнок – Настя, а 19 июня 1987 г. сын Святополк, которому было суждено стать последним ребёнком в этой не совсем обычной семье. Нужно констатировать, что в течение 10 лет Надежда Николаевна родила 8 детей («как же мне, – говорит *В.С.*, – не гордиться ею!»). Сам *В.С.* склонен объяснять свою многодетность тем, что он в детстве очень тяготился тем, что их с братом было у матери с отцом, только двое и всегда мечтал о большой и счастливой семье.

Конечно же, признаёт *В.С.*, определённый элемент идеализма в этом стремлении иметь много детей есть, и теперь, когда дети выросли, он понял, что они не совсем такие, какими он хотел бы их видеть. «Но я, – подчёркивает он, – совсем не жалею о случившемся, скорее напротив, чем дольше живу, тем больше убеждаюсь, что именно дети, жена и всё что с этим связано, а отнюдь не диссертация, статьи и книги, которые я написал, и, быть может, ещё

напишу, оправдывают моё существование и делают меня счастливым. И ради чего стоило страдать и мечтать, бороться и жить на этом свете».

Но вернёмся всё же к злополучной диссертации *В.С.*, работу над которой он к большому неудовольствию жены, Надежды Николаевны, не прекращал даже в самые трудные для него годы. Хотя надежда на то, что сектор феодализма ЛОИИ рекомендует её для защиты, была минимальной.

В чём тут было дело, пояснил впоследствии в приватной беседе с *В.С.* А.И. Копанев, указавший на негативное отношение к его диссертации «Москвы» (С.О. Шмидт и К°), что похоже на правду, так как историей Археографической комиссии активно занимался в это время ученик С.О. Шмидта С.В. Чирков.

Постоянным местом работы *В.С.* стала с 1976 г., как уже отмечалось, Научная библиотека ЛГУ им. М. Горького. Впечатление его от своей трудовой деятельности этого времени, было самое тягостное. Условия труда – тяжёлые: шифровка поступающих в библиотеку книг, просвета никакого, зарплата (что о ней говорить), разумеется, мизерная.

Но нет худа без добра. Судьбой *В.С.* неожиданно заинтересовался зам. секретаря парт-организации ЛГУ по идеологии Александр Якимович Дегтярёв. Познакомился с ним *В.С.* через доцента истфака В.М. Воробьёва, которого знал ещё по ЛОИИ (одно время тот подвизался там в качестве библиотекаря). И тот и другой, т. е. А.Я. Дегтярёв и В.М. Воробьёв являлись учениками А.Л. Шапиро и были, как говорится, на дружеской ноге.

Первое что сделал А.Я. Дегтярёв для *В.С.* – так это устройство его в Музей истории ЛГУ в качестве сотрудника. Впрочем, сотрудник – это громко сказано. Формально музей являлся в то время подразделением истфака и все его так называемые сотрудники, за исключением заведующей, Надежды Николаевны Кононовой, числились лаборантами и методистами факультета.

В Музее истории ЛГУ *В.С.* проработал 10 лет и практически всё это время, вплоть до 1984 г. за исключением, двух последних лет, когда на должность директора был назначен выпускник кафедры археологии истфака И.Л. Тихонов, музеем бессменно руководила Н.Н. Кононова¹⁶. Участник Великой Отечественной войны она более 10 лет (1948–1959) проработала у В.В. Мавродина лаборантом кафедры истории СССР. Человек она, по отзыву *В.С.*, была незаурядный и в своё время даже работала под руководством проф. СБ. Окуня над диссертацией, имела научные публикации. В Музей Надежда Николаевна попала после некоей любовной истории, в центре которой оказался тогдашний декан факультета проф. Б.М. Кочаков и поэтому её перемещение сюда вполне может быть расценено, как своеобразная почётная ссылка, хотя с другой стороны, перевод с должности старшего лаборанта кафедры на должность заведующей подразделением факультета – музеем, это несомненное повышение.

Гораздо важнее другое. Н.Н. была умным, ярким и непосредственным человеком. История послевоенного университета и истфака происходила у неё на глазах, и она щедро делилась своими сведениями на сей счёт с сотрудниками музея. Наряду с *В.С.* в то время это были: Светлана Горяева, Елена Яковук, Марина Атабекова, Павел Седов (ныне известный историк), причём *В.С.*, по его словам, был среди них, едва ли не самым усердным слушателем рассказов Н.Н. Не здесь ли истоки интереса *В.С.* к истории университета и родного факультета?

Отношение Н.Н. Кононовой к своим сотрудникам было самым доброжелательным. Во всяком случае, все благодарности ректора ЛГУ за хорошую работу, которые записаны в трудовую книжку *В.С.* (и не одного его!) были получены им именно с её подачи. Немаловажно и то, что после того, как *В.С.* ушёл из музея и стал работать уже в качестве преподавателя (ассистент, доцент, профессор) РГПУ им. А.И. Герцена, а затем и Санкт-Петербургского уни-

¹⁶ Кононова Н.Н. (некролог) // Ленинградский Университет. 15 января 1988 г. С. 9.

верситета, как-то сразу, в одночасье, прекратились и благодарности, ранее сыпавшиеся на него, хотя работать хуже он, разумеется, не стал.

У нас уже шла речь какой «подарок» преподнёс в своё время *В.С.* при расставании с ним директор Черской средней школы на Псковщине – партийный выговор с занесением в учётную карточку. Рассчитывать на сколько-нибудь успешную научную карьеру с таким шлейфом было не реально. Однако, благодаря поддержке А.Я. Дегтярёва, доброму отношению к *В.С.* Н. Н. Кононовой и тогдашнего секретаря партийной организации истфака Р.Ф. Итса, в 1978 г. взыскание с *В.С.* было, наконец, снято.

Поскольку сама диссертация была у *В.С.* практически давно готова, первоочередная задача, которая во весь рост встала перед ним в это время, заключалась в обеспечении её необходимыми публикациями по теме. Как оказалось, сделать это было не просто не только в ЛОИИ, о чём уже шла речь, но и в Ленинградском университете.

Правда, с формальной стороны, – положительная рецензия на статью *В.С.* по истории Археографической комиссии (её дал проф. Л.С. Семёнов) и рекомендация кафедры (В.В. Мавродин) препятствий, как вспоминает *В.С.*, не было никаких. Однако когда дело дошло до реальной публикации её в «Вестнике ЛГУ», дело неожиданно застопорилось. Для *В.С.* это было тем более непонятно, что именно В.В. Мавродин был заместителем главного редактора «Вестника» по исторической серии или иначе говоря вопрос этот решать должен был именно он. Тем не менее, факт остаётся фактом: несмотря на рекомендацию кафедры, которую В.В. Мавродин и возглавлял, на протяжении двух лет, статья *В.С.* регулярно отвергалась редколлегией серии, под явно надуманным предлогом, что, в первую очередь, необходимо де пропустить статьи аспирантов и соискателей факультета, а так как *В.С.* таковым не являлся, то, следовательно, мог и подождать.

Первоначально *В.С.* верил в эту версию, однако, когда прошёл один год, затем второй и начался третий год его мытарств, решил всё-таки серьёзно поговорить на эту тему с В.В. Мавродиным. Разговор, впрочем, свёлся к тому, что Владимир Васильевич, рассказав *В.С.* свою любимую притчу о двух лягушках, попавших в крынку со сметаной, одна из которых, поняв бессмысленность борьбы, сразу же предпочла прекратить борьбу и утонула, а другая, не смирившись с этим, продолжала барахтаться, в результате чего сбила сметану в масло и, таким образом, спаслась, твёрдо обещал поставить статью в следующий номер «Вестника ЛГУ». Для большей убедительности Владимир Васильевич вызвал к себе секретаря серии по историческим наукам Л.А. Маркарянц, которой и отдал в присутствии *В.С.* соответствующее распоряжение. Дело, казалось, было сделано.

Каково же было удивление *В.С.*, когда вместо того, чтобы принять распоряжение Владимира Васильевича к исполнению эта лаборантка кафедры новой истории неожиданно стала возражать, говоря, что мест нет, у нас очень много аспирантов, и т. д. и т. п., причём на повышенных тонах. Не ожидавший такой реакции, В.В. покраснел и велел *В.С.* на время выйти из своего кабинета на кафедру истории СССР. Когда же разговор скромной лаборантки и маститого профессора закончился, смущённый В.В. Мавродин, разводя руками, заявил *В.С.*, что отстоять его статью он не сумел. Обескураженному *В.С.* не оставалось ничего другого как молча удалиться.

Очевидно, таким образом, что, несмотря на свои научные регалии В.В. Мавродин, на самом деле, то ли в силу мягкости характера, то ли по другим причинам, в это время уже мало что решал на факультете. Видя это, *В.С.* решился на можно сказать, на крайний в его положении шаг, обратившись к самому ответственному редактору серии проф. филологического факультета Н.И. Соколову (1915–2000). Показал ему свою статью, отзыв на неё Л.С. Семёнова, выписку из решения кафедры. Николай Иванович внимательно выслушав *В.С.*, велел оставить эти бумаги у себя, пообещав решить вопрос. И, действительно, решил и уже в следующем 20 номере «Вестника ЛГУ» за 1979 г. выпуск 4, статья *В.С.* «Петербургская

археографическая комиссия и её деятельность в области издания источников русской истории (1834–1917 гг.)» увидела, наконец свет¹⁷.

Это была первая в жизни *В.С.*, которому пошёл уже 33 год, научная публикация. Поздновато конечно, но так уж складывалась его жизнь.

«Это была победа, большая победа, – говорит сегодня *В.С.* – Лёд, как говорится, тронулся». Разумеется, что о дальнейших публикациях своих статей по теме в «Вестнике ЛГУ» *В.С.* нечего было и думать. Он это хорошо понимал. Основные усилия *В.С.* вследствие этого, были направлены на то, чтобы депонировать через «Вестник ЛГУ» свои статьи: «Петербургская археографическая комиссия (1834–1917 гг.)», «Полное собрание русских летописей. Споры о типе издания (1834–1917 гг.) и «Разработка методики издания актового материала в научной деятельности Археографической комиссии (1834–1931 гг.), что ему, в конце концов и удалось.

Всего этого было вполне достаточно для рекомендации феодальным сектором ЛОИИ, аспирантуру которого *В.С.* в 1974 г. закончил, его диссертации к защите. Но делать этого тот, как мы знаем, не собирался. Не собиралась делать этого и кафедра истории СССР истфака ЛГУ, где под руководством Л.С. Семёнова его аспирантка М.Ф. Хартанович работала над диссертацией по истории Археографической комиссии как научного учреждения. В 1984 г. она была успешно защищена ею в качестве кандидатской диссертации¹⁸. Положение *В.С.* казалось безвыходным. Из всех университетских профессоров, кажется, только Ю.Д. Марголис и А.Л. Шапиро проявляли некоторое участие к его судьбе.

Трудно сказать как она сложилась бы в дальнейшем, если бы в связи с приближающимся в 1984 г. 150-летним юбилеем со дня основания Археографической комиссии о *В.С.* совершенно неожиданно не вспомнил председатель Ленинградского отделения уже современной Археографической комиссии А.И. Копанев. Как объяснял в дальнейшем сам Александр Ильич, ситуация в Ленинградском отделении Института истории АН СССР за прошедшие 10 лет после окончания аспирантуры *В.С.* настолько изменилась, что стала возможной не только защита диссертации *В.С.*, но даже её публикация в виде монографии. С публикацией дело, как и следовало ожидать, не вышло, но долгожданное обсуждение диссертации на феодальном секторе вскоре, действительно состоялось. Произошло это знаменательное в жизни *В.С.* событие 18 октября 1984 г.

Ввиду особой важности его в научной биографии *В.С.* есть смысл привести стенограмму обсуждения диссертации *В.С.* практически полностью.

«Присутствовали: Е.В. Анисимов, Ю.Г. Алексеев, Ю.Н. Беспярых, Н.А. Казакова, А.И. Копанев, И.З. Либерзон, Ю.А. Лимонов, Н.Е. Носов, А.П. Павлов, В.М. Панеях, Л.С. Прокофьева, И.П. Шаскольский, *В.С. Брачев*.

Слушали: Сообщение *В.С. Брачева* «Петербургская археографическая комиссия 1861–1917 гг.»

Вопросы: нет.

Выступления.

И.П. Шаскольский: Диссертация *В.С. Брачева* уже с титульного листа вызвала возражение. Петербургской археографической комиссии не было, была Императорская археографическая комиссия.

Странно, что на титульном листе назван научный руководитель С.Н. Валк, который умер десять лет назад.

¹⁷ *Брачев В.С.* Петербургская археографическая комиссия и ее деятельность в области издания источников русской истории (1834–1917 гг.) // Вестник ЛГУ. История. Язык. Литература. Вып. 4. № 20. Л., 1979. С. 108–112.

¹⁸ *Хартанович М.Ф.* Петербургская археографическая комиссия как научное учреждение (30–90 гг. XIX в.). Автореф. канд. дис. Ленинград, 1984.

Диссертантом собран большой фактический материал, но он не осмыслен. Археографическая комиссия – наш предок – сделала огромный вклад в науку. В диссертации же деятельности Археографической комиссии даётся негативная оценка.

Она была единственным научным историческим учреждением России, ею проведена огромная работа по сбору, изучению и публикации источников. Оценки роли этой организации в научной жизни России в диссертации не дано. Как известно, деятельность комиссии сыграла большую роль в развитии русской исторической науки, уровень её изданий был достаточно высок, мы до сих пор пользуемся изданиями Археографической комиссии, ведь часть подлинных документов исчезла и только издания комиссии сохранили их до наших дней.

Автор пишет о реакционном направлении в деятельности комиссии, но такого не было; автор пытается выявить борьбу течений в комиссии – дворянско-консервативного и буржуазно-либерального, но в чём эта борьба практически проявилась не показано, да и показать это нельзя.

По-моему, неверно считать такое издание комиссии как «Акты Южной и Западной России» следствием польского восстания и нельзя считать это издание проявлением реакционной сущности комиссии. Автор не даёт оценки такому изданию как «Дополнения к Актам историческим», а ведь с современной точки зрения это издание уникально, т. к. в нём приведены документы по истории Сибири и Дальнего Востока. Неверна оценка и по «Актам историческим».

Критика этих изданий наивна и неверна. Без них историческая наука и сейчас не может существовать. Попытки найти в деятельности комиссии социальный заказ – беспомощна. Автор пишет о кризисе в издании летописей, но не даёт чёткого объяснения этому положению, в чём же кризис? Начало XX в. – кризис идей, а кризиса науки не было.

Неясно, хорошо или плохо то, что в Археографическую комиссию пришла группа питомцев Петербургского университета, неверно дана оценка роли председателя комиссии С.Д. Шереметева. Мне не понятно, что имел ввиду автор, когда говорил о вредном влиянии петербургской научной школы, имея ввиду выпускников Петербургского университета.

Прошло 10 лет со времени первого обсуждения диссертации. Но и теперь я не могу сделать положительного вывода. Мой вывод отрицательный.

А.И. Копанев. У меня иное мнение о представленной работе. Автор исследует историю комиссии и ставит её деятельность в связь с развитием исторической науки. Он показывает издательскую деятельность комиссии достаточно подробно, уделяя особое внимание изданию летописей и актовых материалов, он подробно останавливается на показе развития приёмов изданий. Представленный вариант выгодно отличается от предыдущих. В работе сокращены хронологические рамки и дано цельное представление о развитии исторической науки.

Я не согласен с И.П. Шаскольским в том, что в работе нет оценки деятельности Археографической комиссии. Такая оценка есть. На последней странице дана ёмкая характеристика и мне она импонирует. Я считаю, что работа способна выдержать критерии кандидатской диссертации. Недостатком работы я считаю то обстоятельство, что диссертант не всегда осторожен в выражениях, он постоянно стремится подчеркнуть социальный заказ, назвать кого-то реакционером.

И я не разделяю всех восторгов автора по поводу издательской деятельности комиссии. Издать 8 томов дела Шакловитого – это слишком. Правильный принцип издания – целенаправленный, выборочный. Диссертация достигла уровня, который позволяет представить её к защите, но автору необходимо ещё раз внимательно её просмотреть.

Н.Е. Носов. А.И. Речь идёт об отдельных неточных выражениях или о концепции?

А.И. Копанев. Об отдельных выражениях.

Е.В. Анисимов. Характеристика Платонова – неосторожность в выражениях?

А.И. Копанев. Это неосторожная формулировка.

Н.А. Казакова. Моё мнение о диссертации т. Брачева противоположно мнению И.П. Шаскольского. Сама тема диссертации исключительно важна, правильно взяты хронологические рамки – период капитализма и империализма. Автор использует широкий круг источников и изданий, а также правил изданий документов, использованы печатные и архивные источники, освещены такие вопросы как организационная структура, состав комиссии, роль учёных, их характеристики, финансовая база.

В работе дан анализ изданий, дан он недостаточно развёрнуто, но в кандидатской диссертации, учитывая её объём, невозможно дать развёрнутый анализ всех 200 изданий комиссии. Т. Брачев прав, увязывая деятельность археографической комиссии с общей историей России и историей исторической науки. Ещё классики марксизма указывали на связь деятельности научных учреждений с социально-экономическим развитием.

Т. Брачев устанавливает эту связь – развитие капиталистических отношений, рост буржуазии вызывает интерес к источникам по истории развития России, интерес к крестьянству. Такие издания как Акты Западной России и Акты Южной и Западной России – издания нужные и полезные, но конечно, приступая к их изданию Археографическая комиссия учитывала реальную обстановку и желание правительства. В условиях польского восстания важно было доказать исконные связи России с белорусами и другими народами. Издание летописей замирает в 80-х годах прошлого века.

Это время интересует т. Брачева. 80-е годы – время высшего подъёма деятельности комиссии, когда от выборочных изданий комиссия переходит к сплошному, напр. Литовская метрика, дела Тайного приказа. Издания комиссии – пофондовые и сейчас это звучит, и сейчас мы издаём документы по фондам. Автор много и подробно говорит об издании летописей и их научной обработке. В работе показана история самого крупного исторического учреждения России и показана правильно.

Считаю нужным отметить некоторые неудачные выражения, неточные формулировки, неверно дан ряд оценок. В библиографии, в раздел: монографии и пособия почему-то включены Правила изданий и Протоколы заседаний. Недостатки носят частный характер. Диссертацию следует рекомендовать к защите.

В.М. Панеях. Я присоединяюсь к мнению Александра Ильича и Натальи Александровны. В диссертации освещён период сложный как для изучения истории исторической науки, так и самой эпохи. При любом критическом подходе автор стоит на верном пути. Ещё С.Н. Валк показал как происходил переход от издания государственно-правовых памятников к изданию частных актов. К сожалению, В.С. Брачев недостаточно использовал работу Валка, но он всё же идёт его путём.

Некоторые утверждения являются следствием увлечения автора темой. Сравнение правил издания ГКЭ и практики изданий комиссии интересно. С.Н. Валк провёл сравнение изданий Платонова и Лаппо-Данилевского. Издания Лаппо-Данилевского сильнее изданий Платонова. Правила изданий ГКЭ сделаны вне рамок Археографической комиссии. Большое внимание автор уделяет изучению летописания, но небрежные формулировки подводят его. Не следует ставить на одну доску Шахматова и Тихомирова.

Нужно более строго дать ряд формулировок. Неправильно составлен список литературы. Заключительная глава по сути конспект всей работы, её надо сократить или написать заново. Моё мнение – работа может быть рекомендована к защите.

Ю.Г. Алексеев. Моё положение сложное, потому что я работы не читал. Сегодня высказаны разные и даже противоположные точки зрения на работу. Недостатки работы, о которых говорил И.П. Шаскольский, свидетельствуют не о неточных формулировках, а об вульгарном социологизме автора. Автор должен всё это убрать.

Если И.П. Шаскольский предъявляет серьёзные претензии, то меня это настораживает. Желая автору только хорошего мы должны потребовать, чтобы он убрал неосторожные выражения и исправил концепцию. Мы должны предложить автору доработать диссертацию.

Н.Е. Носов. Я внимательно прочёл работу В.С. Брачева. Следует отметить, что им собран большой фактический материал по истории и особенно по такому важному вопросу, как издательская деятельность Археографической комиссии. Работа проделана большая, но в диссертации есть существенные недостатки. Есть ряд неудачных выражений, ряд оценок примитивен, автор ссылается на устаревшие издания, неверно освещён вопрос о западниках и славянофилах.

Есть работы А.Н. Цамутали, но есть работы и других авторов. Диссертант пытается показать развитие деятельности Археографической комиссии в связи с развитием исторической мысли. Это важно, не необходимо дать более чёткие формулировки. Автору необходимо избавиться от социологических схем. Молодой исследователь не должен вступать на путь примитивизма. Не следует преувеличивать вопрос о расхождении Платонова и Лаппо-Данилевского, а о Лаппо-Данилевском следует писать с большим уважением. Нигилизм к основным достижениям дореволюционной науки должен быть изжит. В целом, диссертацию можно было бы представить к защите, но нужно ещё существенно её доработать. Костяк работы удовлетворителен, доработку можно провести быстро.

Ю.Н. Беспятых. Я присоединяюсь к оценке И.П. Шаскольского. Я хочу говорить об языке диссертации. Судя по аккуратности исправлений, автор рассматривает этот текст как окончательный, белойой, а работа нуждается в серьёзной редакционной правке.

В таком виде текст представлять к защите нельзя. Мною проверены сноски, некоторые даны неверно. Допущены расхождения: так в некоторых случаях пишется «Школа Платонова», а в некоторых случаях без кавычек. Заключение работы не удовлетворило, неудачно написано и введение. Диссертация должна быть снова переделана.

Ю.А. Лимонов. Я смотрел и 1 – й вариант диссертации и этот. Этот более глубок и интересен. Всё изложено чётко, замечания сделаны на диссертацию серьёзные и к ним надо прислушаться. Отрыв диссертанта от коллектива ЛОИИ и увлечение трудами 40-х годов привело к появлению в диссертации нечётких формулировок. Автору нужно подумать над названием и чётко сформулировать задачи, ещё раз внимательно просмотреть текст. Диссертацию надо переработать.

В.С. Брачев. По работе сделано много замечаний. В каждом выступлении говорилось о неточностях и ошибках. Диссертация построена на архивном материале. Главный упрёк в социологизме, но это неверно, у меня просто такие формулировки. И.П. Шаскольскому ответили многие выступавшие. Я сделал попытку связать издание исторических источников с потребностями исторической науки. А это было время борьбы течений. Петербургская школа, школа Платонова. Даже С.Н. Валк специально отстаивал тезис о петербургской исторической школе. Лаппо-Данилевский не принадлежал к школе Платонова и расхождения между ними были, об этом я и пишу в диссертации. Я благодарен В.М. Панеяху за то, что он связал мою работу с работой С.Н. Валка.

Постановили: Основу представленной работы можно считать диссертательной, но вся работа нуждается в доработке. Таково первое предложение. При голосовании за него подано 7 голосов. Второе предложение – работа может быть рекомендована к защите в настоящем виде с учётом замечаний – подано 3 голоса. Воздержались – 2».

Решительно, как видим, поддержали в ходе обсуждения диссертации В.С. её основные положения только А.И. Копанев, Н.А. Казакова и В.М. Панеях. Против выступили И.П. Шаскольский и его ученик Ю.П. Беспятых. Трое: зав. сектором Н.Е. Носов, Ю.А. Лимонов, Ю.Г.

Алексеев высказались за рекомендацию диссертации к защите, но с доработкой. Их предложение в конце концов и легло в основу решения сектора.

Сегодня, спустя более чем четверть века со дня описываемых событий, комментарии *В.С.* сводятся приблизительно к следующему. На самом деле, говорит он, текст стенограммы заседания 18 октября 1984 г., любезно предоставленный мне секретарём сектора И.З. Либерзон, лишь в малой степени передаёт бурю страстей, вспыхнувшую при обсуждении диссертации. Не обошлось и без взаимных упрёков. Так Н.Е. Носов, в ходе своего выступления, счёл почему-то возможным заговорить о некоторых историках, которые занимаются подсчётами количества навоза, вывозимого крестьянами на поля, полагая, что это и есть, чуть ли не главная задача науки. А А.И. Копанев, отвечая ему, заявил, что он – марксист. Заметив недоумение *В.С.*, тем, что члены сектора явно отвлеклись от обсуждения диссертации, Н.Е. Носов сказал ему: «Всё это не имеет к Вам никакого отношения».

Что побудило И.П. Шаскольского, так боготворившего С.Н. Валка при его жизни, с такой яростью обрушиться на его последнего аспиранта – ответ на этот вопрос остаётся открытым. «Во всяком случае, при жизни С.Н. Валка, – говорит сегодня *В.С.* – И.П. Шаскольский неизменно заискивал и лебезил перед ним. С.Н. Валк же, напротив, относился к Игорю Павловичу с некоторой долей пренебрежения. В чём тут было дело, сказать наверняка нельзя, хотя определённые догадки на сей счёт у меня есть».

Что касается *В.С.*, то в ходе состоявшейся после заседания сектора беседы с В.М. Паняхом, он поинтересовался у него, как ему быть с замечаниями И.П. Шаскольского. Ответ В.М. был предельно прост – никак. Так, собственно, *В.С.* и поступил.

Поскольку объём работы значительно превышал необходимое для кандидатской нормы, переработка её свелась главным образом к устранению вызвавших со стороны рецензентов сомнительных мест и уточнению ряда формулировок, что не представило для *В.С.* большого труда. Уже через 2 месяца он вновь представил свою диссертацию на сектор. На этот раз обсуждение её было кратким. *В.С.* доложил о проделанной работе, А.И. Копанев подтвердил всё им сказанное. Поскольку главный оппонент *В.С.* И.П. Шаскольский отсутствовал (сломал руку) никакой дискуссии не возникло, и диссертация единодушно была рекомендована к защите.

Первоначально мыслью *В.С.* было добиваться защиты диссертации в стенах ЛОИИ. Однако А.И. Копанев отсоветовал ему это делать. «Прошло много времени со времени Вашего пребывания в ЛОИИ. Вас здесь успели основательно позабыть». И для пользы дела предложил защищаться в Университете. В результате, взяв соответствующую выписку из ЛОИИ с рекомендацией о защите, *В.С.* отправился в Специализированный совет по защите диссертации при ЛГУ по специальности 070002 – «История СССР».

Однако, как оказалось, и это можно было предвидеть, здесь его никто не ждал и диссертацию его никто не хотел принимать. Не подействовала даже собственноручная записка В.В. Мавродина, к которому он обратился по совету секретаря Учёного совета Клавдии Петровны Бацевич. Помог ему проф. А.Л. Шапиро, давший положительный отзыв о диссертации. Правда, сам Александр Львович на заседании кафедры Истории СССР, где диссертация *В.С.*, несмотря на рекомендацию сектора ЛОИИ вновь была подвергнута контрольному, по словам ведущего заседание заведующего кафедрой И.Я. Фроянова, обсуждению, выступить не смог (как раз накануне вечером у него случился сердечный приступ), и официальный отзыв вместо него, но по его просьбе, сделал А.Г. Кащенко. Поддержал основные положения диссертации и выступивший В.К. Зиборов. В итоге, диссертация *В.С.* вновь была рекомендована к защите, которая теперь уже без всяких препятствий и проволочек, была успешно защищена им 10 октября 1985 г.

Сама диссертация *В.С.* «Петербургская Археографическая комиссия (1861–1917 гг.)» состоит из трёх глав: «Научная деятельность Археографической комиссии в 1861 – сере-

дине 1890 гг.» (Глава первая), «Научная деятельность Археографической комиссии во второй половине 1890–1917 гг.» (Глава вторая), «Археографическая комиссия и другие археографические учреждения дореволюционной России» (Глава третья), а также традиционных Предисловия и Заключение. В качестве приложения помещён «Состав Археографической комиссии 1834–1925 гг.».

Щедрое государственное финансирование и тесная увязка состава и характера публикуемых Археографической комиссией источников с потребностями развития исторической науки – вот что, делает вывод *В.С.*, предопределило беспрецедентный успех (до 150 томов изданий) научно-публикаторской деятельности этого учреждения за исследуемый период. Залогом же этого успеха *В.С.* считает живую связь комиссии с Петербургским университетом, ведущие учёные которого (историки и филологи), собственно, и определяли её научное лицо в эти годы¹⁹.

Несомненным новаторством отличаются наблюдения и выводы *В.С.* над усилиями комиссии по совершенствованию методической стороны своих публикаций и переходом в 1880-х – начале 1890 гг. от так характерных для её изданий предшествующего периода («Акты исторические», «Акты, относящиеся к южной и западной России» и другие) с выборочным, искусственно подобранным составом документов к пофондовому, и к публикации «как архив» «Донских дел» (подг. В.Г. Дружинин), «Дел Тайного приказа», (подг. И.Я. Гурлянд), «Литовской метрики» (подг. П.А. Гильтебрандт, И.И. Лаппо), «Приходо-расходных книг московских приказов» (подг. СБ. Веселовский), «Архива П.М. Строева», уже в целом их составе.

Ведущая роль в завершении перехода комиссии к пофондовому изданию актового материала принадлежала, как показал *В.С. Брачев*, в начале XX века, С.Ф. Платонову²⁰.

Большую ценность представляют и наблюдения *В.С.* над усилиями Археографической комиссии, связанными с совершенствованием ею методической стороны Полного собрания русских летописей и особой позиции, которую занимал в этом вопросе А.А. Шахматов – сторонник филологического издания летописных текстов, в то время как другие члены комиссии во главе с С.Ф. Платоновым считали это излишним.

В качестве официальных оппонентов на защите 10 октября 1985 г. диссертации согласились выступить доктор исторических наук Ирина Николаевна Курбатова и научный сотрудник Отдела рукописей и редких книг библиотеки Академии Наук СССР кандидат исторических наук Николай Юрьевич Бубнов. В связи с неожиданной командировкой И.Н. Курбатовой в последний момент в качестве третьего оппонента по просьбе А.И. Копанева выступил доктор исторических наук Михаил Павлович Ирошников. Высокое научное качество и новаторский характер кандидатской диссертации *В.С.*, а она в настоящее время, правда, с некоторыми дополнениями, опубликована, очевиден для всякого, кто даст себе труд непредвзятого ознакомления с её содержанием²¹. Неудивительно поэтому, что официальные оппоненты дали самые благоприятные отзывы о представленном сочинении *В.С.* Весьма лестным для него оказался и отзыв ведущей организации – ЛГПИ им. А.И. Герцена.

Не обошлось, правда, без некоторой интриги. Дело в том, что, получив автореферат *В.С.* в Археографической комиссии в Москве (образована в 1956 г.) её тогдашний председатель Сигурд Оттович Шмидт решил прислать на неё в ЛГУ резко отрицательный отзыв, о чём он и сообщил предварительно А.И. Копаневу. Как рассказал впоследствии в разговоре с *В.С.* сам Александр Ильич, только после того, как он стал энергично протестовать С.О. Шмидт сменил гнев на милость и сказал, что отзыв будет всё же положительным, хотя и

¹⁹ *Брачев В.С.* Петербургская Археографическая комиссия. 1861–1917 гг. Автореф. канд. дис. 1985. С. 20.

²⁰ Там же. С. 18.

²¹ *Брачев В.С.* Петербургская Археографическая комиссия 1834–1929 гг. СПб., 1997.

«кислым». На самом деле никакого отзыва из Археографической комиссии в диссертационный совет ЛГУ так и не поступило. Отрицательное же отношение С.О. Шмидта к диссертации *В.С.* объясняется скорее всего тем, что именно в это время докторскую диссертацию по истории Археографической комиссии писал его ученик С.В. Чирков. Защита же диссертации на эту тему *В.С.* создавала для него нежелательное препятствие на этом пути.

Успешная защита кандидатской диссертации стало большим успехом *В.С.* Она вселила в нём уверенность в своих силах и в правильности избранного им пути профессионального историка.

Однако на официальном его статусе в ЛГУ это никак не отразилось: как был *В.С.* старшим лаборантом исторического факультета, так и остался, даже зарплату (120 руб.) ему не прибавили. Тем не менее, зря времени *В.С.* после защиты всё же не терял. Свидетельство тому – две его серьёзные публикации, появившиеся в это время в «Вестнике ЛГУ»: «Киевская Археографическая комиссия (1843–1917 гг.)»²² и юбилейная статья (в соавторстве с И.Я. Фрояновым) о своём учителе С.Н. Валке²³. Обращают на себя внимание и публикации *В.С.* этого времени в газете «Ленинградский университет». Это и его статьи об Академическом университете XVIII в. в Санкт-Петербурге²⁴, заметки о первом ректоре-коммунисте ЛГУ²⁵, об университетской церкви св. Петра и Павла²⁶, история здания 12 коллегий²⁷, и другие.

Не остался *В.С.* в стороне и от развернувшейся на страницах этой газеты дискуссии о необходимости снятия с университета имени А.А. Жданова (сам он предлагал присвоить университету имя Петра Великого²⁸), и так называемых «белых пятен» университетской истории²⁹. Однако, вспоминает *В.С.*, когда он принёс в 1986 г. в редакцию Ленинградского университета свою статью с предложением о снятии с университета имени А.А. Жданова, то печатать её редколлегия решительно отказалась – не было санкции Обкома КПСС. Разрешение на инициирование этой темы, впрочем, было скоро получено, чем и воспользовался доцент истфака Г.С. Лебедев, опубликовавший чуть позже в этой же газете соответствующую статью.

Прошло 2 года, пока *В.С.* осознал, наконец, полную бесперспективность своей дальнейшей работы в Музее истории университета. Надо, решил он, искать себе место ассистента в каком-либо из вузов города. Об истфаке университета он, зная ситуацию здесь, как говорится, изнутри, не думал.

Сам *В.С.* без поддержки со стороны, решить эту проблему не мог и обратился за помощью к уже известному нам Александру Якимовичу Дегтярёву, к этому времени, уже не только доктору наук, профессору, но ещё и секретарю Ленинградского Горкома КПСС. Предварительно записавшись к нему на приём в Смольный.

Выслушав *В.С.* А.Я. Дегтярёв сказал: «В университете у тебя шансов нет, остаётся либо фонд культуры, либо Педагогический институт». *В.С.* выбрал Пединститут и А.Я. Дегтярёв обещал переговорить на эту тему с его ректором В.А. Бордовским. Едва успел *В.С.*

²² Брачев В.С. Киевская Археографическая комиссия 1843–1917 гг. // Вестник ЛГУ. 1987. Серия 2. Вып. 2. С. 78–81.

²³ Фроянов И.Я., Брачев В.С. Выдающийся археограф и источниковед (к 100-летию со дня рождения С.Н. Валка) // Вестник ЛГУ, 1987. Сер. 2. Вып. 2. С. 105–106.

²⁴ Брачев В.С. М.В. Ломоносов и Санкт-Петербургский университет // Ленинградский университет, 1986. 17 октября. С. 10–11.

²⁵ Брачев В.С. Первый ректор-коммунист (о В.Б. Томашевском) // Ленинградский университет. 1987. 20 марта. С. 3.

²⁶ Брачев В.С. Церковь // Ленинградский университет. 1988. 25 марта. С. 10.

²⁷ Брачев В.С. Главное здание // Ленинградский университет. 1988. 8 августа. С. 10.

²⁸ Брачев В.С. По инерции традиции. Непростые вопросы университетской истории. // Ленинградский университет. 1987. 27 ноября. С. 9.

²⁹ Брачев В.С. На белых пятнах. Университет советский. Страницы истории // Ленинградский университет. 18 марта 1998. С. 11.

добратся от Смольного до Музея истории ЛГУ, как раздался звонок. Это был А.Я. Дегтярёв. «Всё в порядке. Я обо всём договорился. Позвони завтра Бордовскому по этому телефону» и продиктовал номер телефона.

В.С. позвонил. В.А. Бордовский сразу же пригласил его к себе и после краткой беседы с ним предложил ему написать заявление об участии в конкурсе на должность ассистента кафедры истории СССР. С 16 сентября 1987 г. после избрания на эту должность *В.С.* был уже официально зачислен в штат кафедры Истории СССР ЛГПИ им. А.И. Герцена.

Начался новый этап в его жизни и научной деятельности.

Глава 3. В ЛГПИ им. А.И. Герцена (1987–1998 гг.). Монография об академике С.Ф. Платонове

Встретили В.С. на кафедре Истории СССР³⁰ пединститута хорошо, что не удивительно, так как её заведующий В.И. Старцев знал В.С. ещё по его аспирантским годам в стенах Ленинградского отделения института истории. Кроме того, вынужденный в начале 1984 г., из-за предвзятого к себе отношения тогдашнего руководства Ленинградского отделения института истории (В.А. Шишкин) покинуть это почтенное учреждение, В.И. Старцев, можно сказать, уже по определению хорошо относился к тем, кто по каким-либо причинам так и не прижился в нём (А.В. Смолин, П.А. Кротов, В.И. Кардашов и др.). Не стал в этом отношении исключением и В.С. История его мытарств была В.И. Старцеву хорошо известна. Сам В.И. Старцев был крупным учёным, известным своими трудами по истории начала XX вв. и истории политического масонства в России³¹. Его докторская диссертация посвящена, впрочем, источниковедческому исследованию статей В.И. Ленина 1917 г.³² С 1959 г. по 1984 гг. В.И. Старцев непрерывно работал в Ленинградском отделении института истории АН СССР. Заведующим кафедрой Истории СССР в ЛГПИ им. А.И. Герцена Виталий Иванович был избран только в 1984 г., сменив в этой должности профессора А.А. Мухина.

Так уж сложилось, что истфак ЛГПИ едва ли не со дня основания (1934 г.) всегда находился в тени у истфака ЛГУ и крупных историков – докторов наук, там, как правило, было немного. Конечно же, ни о каких серьёзных школах в этих условиях здесь не могло быть и речи. Но определённые научные традиции, характерные только для истфака ЛГПИ разумеется были, и определялись они как общими тенденциями развития исторической науки тех лет, так и научными интересами ведущих учёных кафедры, направлявших исследовательские интересы своих учеников в определённое научное русло.

Речь идёт о таких историках, как В.Н. Бернадский, Л.Ф. Складов, Н.Н. Степанов, Ю.В. Кожухов, Г.М. Дейч, А.З. Ваксер, Р.Г. Скрынников, А.А. Мухин. Впрочем, из «стариков», которые работали на кафедре в 1960–1970 гг. (Ю.В. Кожухов, Г.М. Дейч, Н.Н. Степанов, В.В. Лаптев, А.Я. Сукновалов, А.А. Мухин, А.З. Ваксер) В.С. застал только одного А.А. Мухина. Но зато ученики некоторых из них были, как говорится, налицо.

Наиболее заметным среди них являлся ученик проф. Ю.В. Кожухова Александр Васильевич Жданков, защитивший в 1977 г. кандидатскую диссертацию «Аграрный кризис конца XIX в. в Европейской России»³³. Учеником Ю.В. Кожухова был и Андрей Викторович Богучарский – кандидатская диссертация – «Рабочая молодёжь Петербурга в последней четверти XIX в.» (Л., 1978). Следует, впрочем, иметь ввиду, что из-за перегруженности делами как декан истфака, а затем секретарь парткома института, научной работой он не занимался и на заседаниях кафедры появлялся крайне редко³⁴.

Кроме А.В. Жданкова и А.В. Богучарского ученицами Ю.В. Кожухова могут считаться Ирина Валерьевна Алексеева (Шишкина) – кандидатская диссертация «Русская буржуазная оппозиция и Антанта в годы Первой Мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.)» (1982 г.) и Татьяна Георгиевна Фруменкова, известная главным образом своей диссертацией «Пра-

³⁰ В 1992 г. по инициативе В.И. Старцева она была переименована в кафедру Русской истории.

³¹ Ольховский Е.Р. Старцев Виталий Иванович (1931–2000 гг.) // Историки России. Биографии. М., 2001. С. 863–867.

³² Старцев В.И. Источниковедческое исследование произведений В.И. Ленина 5 июля — 14 сентября 1917 г. Автореф. докт. дисс. Л., 1973.

³³ Жданков А.В. Аграрный кризис конца XIX в. Европейской России. Автореф. канд. дисс. Л., 1977.

³⁴ В начале 1990-х гг. А.В. Богучарский возглавил филиал ЛГПИ им. А.И. Герцена в г. Сочи и навсегда покинул Ленинград.

вославная церковь и классовая борьба в России в период крепостничества» (30–50-е годы XIX в.), которая была защищена ею в 1986 г. Видное положение на кафедре занимал в это время и доцент Валерий Петрович Островский, защитивший в 1977 г. кандидатскую диссертацию «Производственно-тяжёлая промышленность СССР в годы 4 пятилетки (1946–1959 гг.)». По материалам предприятий тяжёлого машиностроения». Его научным руководителем был А.З. Ваксер.

Наиболее перспективной фигурой в научном и административном плане среди членов кафедры являлся А.В. Жданков, у которого ко времени появления здесь *В.С.* была уже практически готова докторская диссертация о большевистской печати и пролетарской культуре начала XX в.³⁵ Кроме того, в 1988 г. в соавторстве с В.А. Улановым А.В. Жданков опубликовал монографию: «У истоков: правдистская печать и культурное развитие питерского пролетариата», которую он рассматривал, как основу своей докторской диссертации. К сожалению, страшная болезнь (рак крови) и преждевременная смерть (1991 г.) оборвали его научную карьеру.

Вторую группу членов кафедры составляли уже либо прямые ученики В.И. Старцева: И.Л. Афанасьев, (кандидатская диссертация «Материалы газет как исторический источник по истории Петроградского военно-революционного комитета», 1984 г.), А.В. Ткачёв (кандидатская диссертация «Мемуары как источник о жизни и деятельности В.И. Ленина в период возвращения из эмиграции (март-апрель 1917 г.)» (Л., 1984 г.), О.А. Поливанов (кандидатская диссертация «Крушение соглашательской политики ЦИК Советов первого созыва (июнь-октябрь 1917 г. (Л., 1989), либо лица, приглашённые В.И. Старцевым в ЛГПИ по сугубо личным мотивам в смысле укрепления, так сказать, научного лица кафедры.

Самым близким к В.И. Старцеву из них была в это время Бэлла (настоящее имя Берта) Давыдовна Гальперина (родилась в 1930 г.) из Российского Государственного Архива, подвизавшаяся здесь с 1993 г. на полставки в качестве профессора. Насколько помню, говорит в связи с этим *В.С.*, с ней В.И. ходил только «под ручку». Тесно связан с В.И. Старцевым был и А.В. Смолин – ученик А.Л. Шапиро по ЛГУ, защитивший в 1977 г. кандидатскую диссертацию под руководством В.А. Шишкина³⁶. На истфак ЛГПИ он перешёл в декабре 1984 г. так и не прижившись в ЛОИИ, где до этого работал. Близок В.И. Старцеву был и А.Б. Николаев – ученик О.Н. Знаменского по Ленинградскому отделению Института истории, под руководством которого в 1990 г. им была защищена кандидатская диссертация «Борьба сил революции и контрреволюции в связи с созывом Государственного совещания (апрель-август 1917 г.)». Особое положение на кафедре занимали проф. Ю.Г. Алексеев из ЛОИИ, появившийся здесь ещё в 1983 г. и пришедший ему на смену, после того как он перешёл в 1990 г. в ЛГУ Михаил Борисович Свердлов, читавшие лекции по истории России, так называемого «феодалного» периода.

³⁵ Жданков А.В. Большевистская печать и пролетарская культура 1907 – февраль 1917 гг. Учебное пособие. Л., 1989.

³⁶ Смолин А.В. Воспоминания участников обороны Петрограда в 1919 г. как исторический источник. Автореф. канд. дисс. Л., 1977.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.